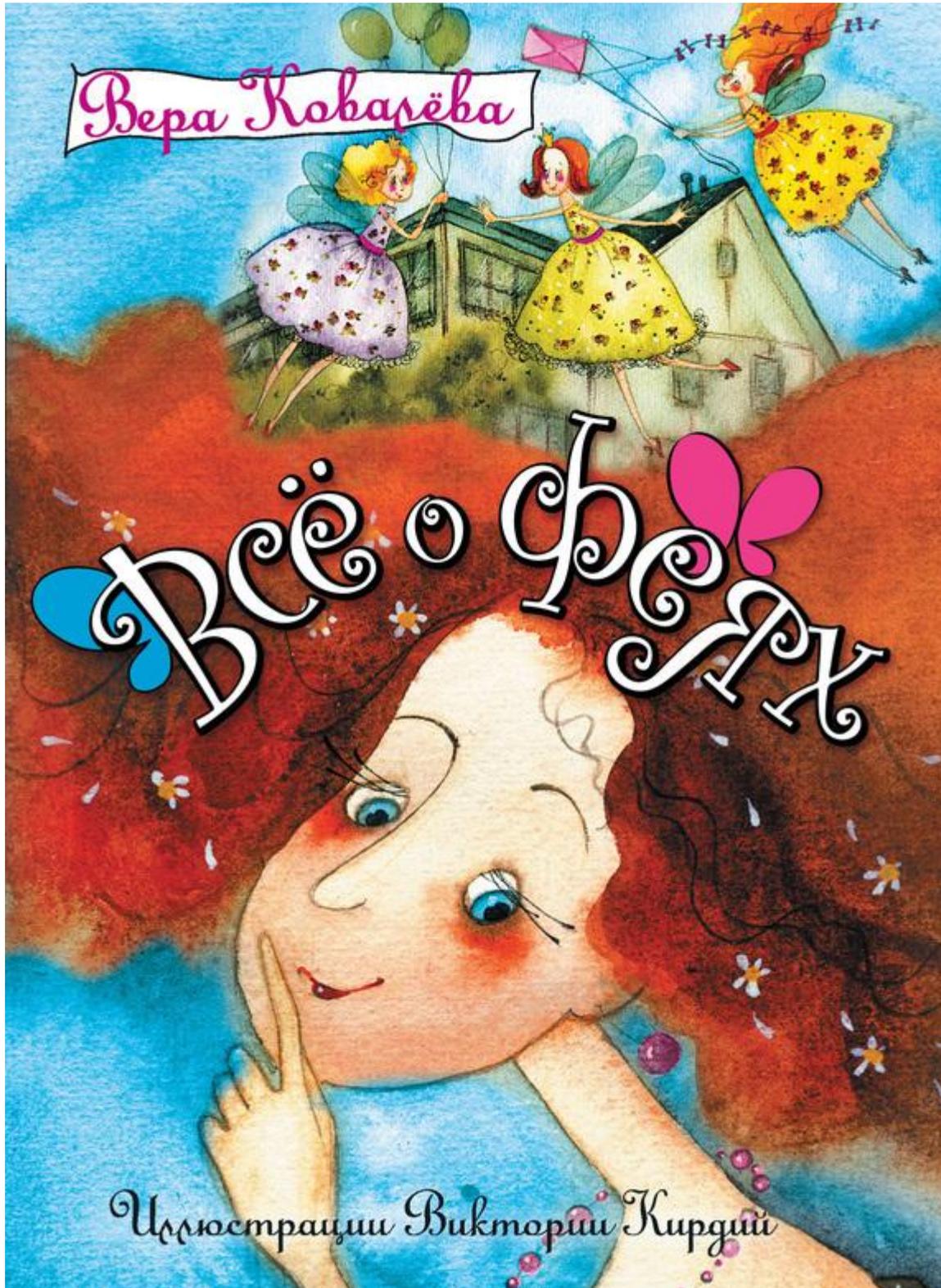

Книга: Все о феях

Annotation

Эта книга переносит читателей в волшебный мир, где живут феи. Малыши с удовольствием будут читать и разглядывать эту великолепную, забавную, красочную книгу. Иллюстрации Викторией Кирдей.

Вера Ковалёва
Сказка о шоколадной фее

Вера Ковалёва

Все о феях

САМЫМ ЛУЧШИМ РОДИТЕЛЯМ НА СВЕТЕ

Сказка о шоколадной фее

И
пятничный день я болтала с одной знакомой феей. Точнее сказать, я болтала с хорошей знакомой, которая, как ни странно, оказалась феей. Так или иначе, моя знакомая фея была слегка расстроена незначительными житейскими неприятностями, такими незначительными, что в этой книжке о них не написано ни слова. Чтобы как-то ободрить бедняжку, я решила подарить ей сказку. Ничто так не утешает фею, как хорошая сказка про фей! Любая фея скажет вам, что сказка – самое действенное средство от хандры после свежесваренного кофе и взбитых сливок с вишневым ликёром.

Осчастливив одну фею, я достала свою красную записную книжечку, в которой есть имена всех моих знакомых фей, строго по алфавиту. «Раз уж я осчастливила одну фею, – подумала я, – то почему бы мне не написать сказку для следующей?» За второй сказкой последовала третья, за ней четвёртая, а поскольку знакомых фей у меня множество, мне пришлось писать всю осень и всю зиму до самой весны. Ранней весной, как только расцвела мимоза, я сложила все сказки в пухлую стопку – и получилась книжка. Но скажу вам по секрету, что я до сих пор переживаю, не пропустила ли я какую-то из знакомых фей. Если вдруг это случилось, вы ведь всегда позволите мне написать ещё одну сказку, правда? Зачем дарить фее сказку, спросите вы, ведь она сама может наколдовать (тут правильнее будет сказать «наволшебствовать») себе всё, что душе угодно? Взмахнёт волшебной палочкой, и кухонный передник превратится в платье с кринолином, а подгоревшие ватрушки – в свежайшие вафельные трубочки с заварным кремом, точь-в-точь как из лучшей венской кондитерской. А пожелает – выберет себе самую шуструю амбарную мышь и превратит её в повара – пусть он возится на кухне. Сама же фея тем временем лёгкой походкой пойдёт в соседний парк плавать на лодочке и читать вслух сонеты Петрарки. И если, скажем, в парке назло фее пойдёт дождь, то разве она неуклюже побежит к дому, прикрывая голову тем самым томиком Петрарки, как это сделали бы мы с вами? Что ей стоит наколдовать (точнее, наволшебствовать, запомнили?) себе зонтик, в самом деле.

Э-э-э, отвечу я вам голосом настоящего сказочника, так вы не знаете фей!

Во-первых, для настоящего волшебства необходимы исходный материал и фантазия. С фантазией у фей обычно всё в порядке, а вот исходный материал попадает разного качества. Я, например, знала одну фею, которая превращала новости в утренних газетах в истории любви. С счастливым или грустным концом – в зависимости от того, какая на улице была погода. А потом громко и с выражением читала эти истории одиноким старушкам в парке. Во-вторых, феи вовсе не волшебствуют направо и налево и как попало. Юных фей, стоит у них открыться таланту, обучают хорошим манерам и безмерной щедрости и только после этого вручают им волшебные палочки. Недавно к этой программе добавили Аристотелеву логику и законы физики, после того как одна юная, но весьма шустрая фея придумала превращать пчёл в полосатых котят. Скажите на милость, кому нужна сразу сотня полосатых котят и кто после этого будет опылять цветы и делать мёд? Скандал замяли, извинились перед соседями и раздали котят в хорошие руки, но палочку у той феи всё-таки отобрали – на целый месяц. И в-третьих, феям чертовски трудно дарить подарки, ведь у них и так есть всё, чего им хочется. Есть лишь две вещи, перед которыми не устоит ни одна фея: свежемолотый кофе и сказки о феях.

Самую первую сказку в этой книжке я подарила маленькой фее по имени Яра. Маленькой не в смысле возраста, просто роста она была такого, что ездила в общественном транспорте без билета, представляете? Тем лучше для неё, потому что фея Яра была шоколадной феей и жила в домике, стены которого были сделаны из белого шоколада. Совсем не потому, что Яра предпочитала белый шоколад остальным сортам, просто жить круглый год в доме с тёмно-шоколадными стенами довольно грустно, даже если в этих стенах можно каждый день прогрызть новые окошки. Согласитесь, что будь Яра нормального роста, её шоколадная вилла привлекала бы излишнее внимание, а так стоило ей повесить на забор табличку: «Шоколадная фабрика Нойхауз», – и всё решилось само собой. Туристы иногда приходили посмотреть на «шоколадный-дом-почти-как-настоящий» и хвалили мастерство кондитеров фабрики «Нойхауз», кондитеры и радовались заказам, и ворчали, потому что заказов было так много, что работать им приходилось без выходных, а мэр города даже предложил внести домик Яры в городской путеводитель, на что фея ответила тихим, но решительным «нет». Как и все феи, она была дружелюбна, но избегала излишнего внимания и волшебствовала больше украдкой. Надо сказать, что для фей нет большей радости, чем тайком наволшебствовать чудо, а потом наблюдать за реакцией окружающих. Иногда они даже устраивают соревнования – собираются компанией в городском парке и наперебой творят чудеса: пускают мыльные пузыри в человеческий рост, уговаривают лебедей брать хлеб из рук, а бабочек садиться на плечи прохожим, раздают детям блины с шоколадным кремом и катают их на осликах, а родителей угощают ароматным кофе со сливками. А главное, чертят в небе особую загогулину, которая удаётся только феям: они становятся в круг, одновременно поднимают волшебные палочки, рисуют ими в воздухе дугу – и в округе разливается аромат счастья. Тогда жители всех окрестных домов устремляются в парк, забывая о ссорах, налогах и субботней стирке и испытывая непреодолимое желание смеяться, любить и держаться за руки. И чем больше фей начертят загогулину одновременно, тем сильнее будет аромат счастья. Я бы дорого дала за то, чтобы оказаться неподалёку в такой день...

Впрочем, я отвлеклась. Фея Яра старалась хранить инкогнито. Иногда она приходила на фабрику «Нойхауз» и помогала кондитерам выполнять непростые заказы, а самым сложным из них был «сделайте такой же домик, как тот, что мы видели в переулке у городского сада». Для таких случаев Яра заказала себе маленький поварской камзол с кармашком в рукаве – как раз для волшебной палочки. Кармашек этот оказался таким удобным изобретением, что Яра нашла похожие в правых рукавах всей

своей одежды. Она даже репетировала перед зеркалом, особенно хорошо получался жест с платочком: достаёшь из кармана батистовый платочек, подносишь к лицу, словно хочешь вытереть нос и – рrrраз! – перед тобой накрыт столик на двоих, и в чашках плещется густой и восхитительный горячий шоколад. Шоколад был со сливками или без, в зависимости от того, к какой ноздре Яра подносила платочек. Если же она тёрла кончик носа, то на столе возникал самый настоящий пражский торт! Конечно, некоторые другие волшебства требовали большей концентрации и подготовки, и Яра предпочитала совершать их вдали от посторонних глаз. Например, чтобы спрятать в кустах городского парка полторы тысячи шоколадных пасхальных яиц, ей пришлось пробраться в парк ночью – через забор. В тот раз вся слава досталась фабрике «Нойхауз», на что Яра совершенно не обиделась – инкогнито так инкогнито.

Но больше всего Яра любила маленькие частные чудеса. Работа шоколадной феи (каждая фея выбирает себе один вид более или менее регулярной волшебной деятельности и ни в коем случае не называет его работой) начиналась в Голый Понедельник. Голый Понедельник – это, безусловно, самый трудный день года, обычно он выпадает на ноябрь, но бывают и исключения. Это день, когда листья с деревьев уже облетели, а первый снег всё никак не выпадет, будильник звонит в полной темноте, батареи скупо, по крохе, дают тепло, и вставать, а уж тем более одеваться, натянув тёплые колготки, два свитера и намотав шарф в несколько слоёв, – истинное мучение. Накануне этого важного дня фея Яра совсем не ложилась спать, боясь пропустить первого пешехода, надевала любимое шерстяное пальто шоколадного цвета с удобным маленьким кармашком в правом рукаве и со всех ног бежала на соседнюю улицу. В каждом городе есть такие неприметные улицы, названия которых не знают даже почтальоны. Они такие узкие и тёмные, что птицы, залетая в них, перестают петь, а дети, которые там играют, болеют так часто, что заканчивают школу почти стариками. На этих улицах множество дверей – туда выходят чёрные входы домов и магазинов, двери дворничих и даже тайные проходы между домами. На этих неприглядных улицах чаще всего и появляются первые пешеходы: дворники возвращаются к своим мётлам, бакалейщик следит, чтобы из деревни вовремя привезли молоко и жёлтый сыр, а помощник пекаря спешит растопить печь и отправить в неё ровные ряды круглых утренних булочек с изюмом. Это фея Яра и поджидала, устроившись на перевёрнутом ящике из-под муки у чёрного хода пекарни. С её помоста даже в темноте было видно, как неохотно волочит ноги помощник пекаря, как покраснели его уши от холода, как он ёжится от ветра и прячет свой длинный нос в красном шарфе. «Надо бы попросить

кого-то из фей связать ему настоящий волшебный шарф», – думала фея Яра. Она делала лёгкий жест в его сторону, как будто хотела погладить его по щеке, – и в воздухе разливался еле уловимый аромат какао и корицы. Помощник пекаря высвобождал нос из шарфа и ускорял шаг, а на лице его появлялась широкая улыбка. С вами ведь так бывает, вы идёте по улице, и вдруг откуда-то из соседнего дома доносится аромат вашего детства и на мгновение вам кажется, нет, вы чувствуете, что снова сидите на бабушкином диване и терзаете книжку-раскраску, а в духовке допекается грушевый пирог – и начинает щипать в носу, а вы всё-таки идёте дальше, чуть улыбаясь самому себе, совсем незаметно, чтобы не вызвать осуждения других прохожих. Фея Яра дожидалась такой улыбки и спешила дальше, стараясь встретить по дороге как можно больше прохожих. Она повторяла свой почти незаметный жест, нащупывая подушечками пальцев кончик волшебной палочки – самым наблюдательным прохожим казалось, что девочка забыла перчатки и прячет замёрзшие пальцы в рукав шерстяного пальто. За Ярой шлейфом тянулись ароматы какао, корицы и ирландского сливочного ликёра и смешивались с густым запахом свежеепечённого хлеба и утренних булочек, доносящимся из дверей пекарни, – от такой смеси губы ранних прохожих невольно растягивались в улыбке, а ноги несли их быстрее и легче, как будто на дворе был первый день весны.

Сказка об удачливой фее

Рыжеволосая Анни была на редкость удачливой феей.

– Удачливой? – насупитесь вы. – Зачем же фее удача, если она может заколдовать всё, что пожелает! А может, эта Анни вовсе и не была феей?

– Во-первых, не заколдовать, а наволшебствовать, – поправлю я вас. – А во-вторых, уверяю, Анни была самой настоящей феей, но удачливость имеет мало общего с волшебством. Удачливыми подчас рождаются совершенно обычные, не волшебные девочки, которые не умеют превратить простое яйцо в омлет, куда уж им чудесами заниматься. А талантливые волшебницы подчас бывают удивительно невезучими. Я лично знавала одну фею, не выходившую из дома без волшебного зонтика. А всё потому, что ей постоянно падали на голову всевозможные предметы. Прогулявшись с ней по ничем не примечательной городской улице, вы бы обнаружили, как много странных вещей роняется, вываливается и даже выпрыгивает из окон. В зонтик этой фее попадали запонки и заколки, мячи и скакалки, чашки китайского фарфора и вязальные спицы, коты и детские автомобильчики, один раз упал даже телевизор и регулярно проливались чай и апельсиновый джем. Вы же понимаете, что при таком фантастическом невезении обычным зонтиком фее было бы не обойтись. Другая моя знакомая фея билась над рецептом волшебного бутерброда, который падал бы маслом вверх. Уж как она ни старалась, ни аккуратничала, стоило ей намазать бутерброд к полднику, как он тут же оставлял жирный масляный след на до блеска натёртом кухонном полу. В порыве особой вредности бутерброды шлёпались маслом в

свежесваренный кофе с сахаром и портили фее настроение до самого вечера.

У рыжеволосой Анни всё было наоборот, ей во всём везло, и всё получалось даже лучше, чем она задумала. Стоило ей замёрзнуть или загрузить в маленькой квартирке под самой крышей (во Франции такие квартирке до сих пор называют «комнатой служанки»), как под дверью раздавались жалобное мяуканье и скрёб подброшенного кем-то котёнка. Стоило захотеть домашнего печенья, как на пороге рисовались неожиданные гости, а если уж Анни покупала билет на поезд, то поезд этот частенько ломался на полдороге, обязательно в каком-то красивом и радостном месте, где хотелось немедленно расстелить на траве клетчатую скатерть и устроить пикник. Такое у неё было везение. К волшебству везучая Анни относилась легкомысленно и вовсе не кичилась тем, что она фея. У неё даже не было толковой волшебной палочки – волшебствовала всем, что попадётся под руку. Чаще всего ей под руку попадались кисти для рисования, и надо сказать, что чудеса с их помощью получались совершенно недурственные. Однажды, рассеянно накручивая на кончик кисточки рыжую прядь, Анни случайно наволшебствовала санки и бутылку шампанского к Новому году.

Для настоящего, серьёзного волшебства Анни выходила из дома рано утром. Вы уже заметили, что феи особенно любят волшебствовать тайком, в час, когда самые занятые взрослые только продирают глаза, а дети отчаянно не хотят просыпаться и собираться в школу? Именно в этот час Анни выбирала улицу, где в окнах домов только-только гасли ночники, и раскрашивала её. Да-да, в этом и было её волшебное призвание – Анни разрисовывала фасады домов, иногда мостовые, а заодно и крыши. Каждый день она выбирала новую улицу и новый сюжет. Иногда Анни рисовала море: синее море на мостовой и стены красила в цвет песка и перламутровых раковин; первый же прохожий, появившийся на улице, чувствовал на губах солёный ветер и с удивлением замечал, что на крышах домов гнездятся самые настоящие чайки с жёлтыми клювами – и это за тысячу километров от моря! Иногда Анни рисовала целый луг диких июньских цветов, иногда – сбор лаванды на холмах Прованса; знали бы вы, какой аромат разливался утром на лавандовой улице! Иногда она рисовала жёлтую пустыню, эта картина особенно подходила для дождливых ноябрьских дней. В такие дни дождь падал на жёлтую мостовую, стекал по жёлтым стенам и в нарисованной пустыне расцветали диковинные растения, названия которых не отыскать даже в самой толстой энциклопедии. Хотя Анни с её волшебными кисточками ничего не стоило раскрасить за ночь весь город, она это сделала всего два раза – по очень уважительным причинам. В первый день школьных каникул она превратила все улицы города в гигантские классики, а одним зимним утром, когда

весь город страдал от эпидемии ангины, перекрасила все фасады в цвет берлинской лазури, чтобы больным было весело смотреть из окна.

Вы задумывались, чем любят заниматься феи, когда не волшебствуют? Кроме заваривания самого лучшего в мире кофе, конечно. Анни, например, любила напечь целый противень лимонных меренг и сидеть на подоконнике, наблюдая за прохожими и собаками, благо жила она высоко над самой оживлённой улицей города. Иногда после обеда к ней приходили Марк и Мэри, и меренги исчезали с противня во мгновение ока, а на подоконнике втроём было тесно и весело. Мэри – это маленькая кошечка цвета молочной пенки на капучино, с розовыми подушечками на лапках и кисточкой на хвосте. Она приезжала к Анни в гости, гордо восседая в корзинке, прикреплённой к велосипеду её хозяина – голубоглазого десятилетнего мальчика Марка. Вы ведь помните, что поезда, на которых ездила Анни, частенько останавливались в самых неожиданных и радостных местах? В одном из таких поездов Анни и познакомилась с Марком. Она ехала в четвёртом купе четвёртого вагона, рядом с ней сидел серьёзный господин в шляпе «Борсалино» и в сером костюме, из кармашка которого торчал сложенный вчетверо носовой платок, а из-под мышки, разумеется, толстая финансовая газета. Шляпу господин снял при

входе в купе и аккуратно повесил на крючок. Под шляпой обнаружили блестящая розовая лысина и два красных мясистых уха. Господин аккуратно протёр носовым платком капельки пота на лысине, затем встряхнул платочек, сложил вчетверо и снова запрятал в карман. Потом сел, расстегнул пиджак, расправил свою газету и, посплюнув палец, раскрыл её на странице биржевых сводок. Прodelал он это с таким торжественным выражением лица, что Марк не удержался и прыснул в кулак. Вы уже наверняка догадались, что Марк ехал в том же самом четвёртом купе четвёртого вагона, как раз напротив рыжеволосой феи. Фею-то он поначалу принял за обычную тётеньку, только очень красивую, и наблюдал украдкой, как она рассеянно наматывает на палец рыжую прядь и постукивает каблуком в такт колёсам поезда.

– Вы не могли бы не топтать? – раздражённо бросил лысый господин, не отрывая глаз от газеты. – Мешаете сосредоточиться!

Тётенька притихла, и с ней притихли колёса поезда, зашипели, закряхтели и совсем остановились. Лысый господин был так занят своими сводками, что даже не заметил этого, зато другие пассажиры зашевелились, зашуршали и прилипли к окнам.

– Смотри! – сказала рыжеволосая тётенька Марку, хотя он и так уже смотрел во все глаза.

За окнами поезда небо было высоким и густо-синим, без единого облака, а направо и налево от колеи до самого горизонта расстилалось ярко-маково-красное поле. Пассажиры заохали, заохали и высыпали из вагонов, чтобы рассмотреть маковое чудо поближе. Марк даже немного испугался, он такие поля видел только на картинках в книжке и не представлял себе, что так бывает по-настоящему.

– Ты идёшь? – спросила тётенька и протянула ему руку.

При солнечном свете выяснилось, что ботинки и шарф у Анни были точь-в-точь того же цвета, что и маки, что в поле росло множество других цветов, издали незаметных, а пассажиры поезда, совсем забыв, куда они ехали и по каким делам, разбрелись по полю, нюхали цветы и собирали букеты.

– Ты не хочешь нарвать букет для мамы? – предложила тётенька. – Только не трогай маки, они быстро вянут, собери лучше ромашки, по ним можно гадать. На любовь, – добавила она, смеясь.

Марк собирался было спросить, откуда она знает его маму и как гадать на любовь, но тут из вагона появился лысый господин. Они ведь совсем забыли, что оставили его в одиночестве за чтением биржевых сводок. Господин снова вытирал платочком лысину и возмущался вслух. Сначала он ругал железные дороги, затем машиниста, после премьер-министра и министра железных дорог, а там и своих попутчиков. Он так разошёлся, что начал топтать ногами и с каждым разом втоптывал в землю новый цветок. Этому Марк не смог стерпеть. Он решительно подошёл к господину и сказал громко, словно отвечал у доски:

– Как вам не стыдно! Разве можно так кричать из-за ерунды, когда вокруг волшебство? И перестаньте топтать цветы! – добавил он уже тише, потому что увидел, как лысина господина побагровела от злости. Господин раскричался о том, что современные мальчишки совсем отбились от рук, не уважают взрослых и что учителям следует взяться за розги. Он, наверное, кричал бы ещё долго и, как знать, возможно, вытоптал бы целое поле, если бы не рыжая фея.

– Смотрите! – сказала она, в этот раз указывая на поезд. Поезд, очевидно, успели починить, и он пыхтел, собираясь тронуться с места.

Пассажиры вдруг вспомнили, что торопятся, взглянули на часы и засеменяли к вагонам, забыв про маковое поле. Нет людей забывчивей пассажиров поездов. Анни зашла в вагон последней и положила на колени мальчика букет полевых ромашек, перевязанный красной ленточкой. Тут Марк не удержался и спросил шёпотом, покосившись на лысого господина, снова занятого газетой:

– Вы фея? – Он не очень-то верил в фей, но если они вдруг существовали, то наверняка были похожи на его попутчицу. – Это вы нарочно устроили?

К его удивлению тётянка ответила ему очень серьёзно и тоже шёпотом:

– Никому об этом не рассказывай. Я ничего не делаю нарочно – всё получается само собой.

«Конечно, она фея», – решил Марк после того, как Анни угостила его горячим шоколадом в вагоне-ресторане и нарисовала его портрет на салфетке – просто так.

– Раз уж вы фея, – решил Марк, – то не могли бы вы подарить мне котёнка?

– Зачем тебе котёнок? – удивилась в свою очередь Анни. – Обычно мальчишки просят в подарок велосипеды, рогатки, которые стреляют без промаха, и фильмы про войну.

– У меня уже есть велосипед, – пояснил Марк, – очень хороший, с тремя скоростями. Мне его купила мама на день рождения. Мама не будет возражать, – поспешил заверить он, – она никогда меня не ругает. Только с тех пор, как папа собрал большой чемодан и уехал, она часто сидит на кухне одна и пьёт чай. И ещё просит, чтобы я рос ответственным, а я и так стараюсь. А раньше они часто ходили по гостям и оставляли меня с Кларой. Клара – это наша соседка, – добавил он совсем тихо.

– Я, кажется, знакома с Кларой, – так же тихо ответила Анни, но Марк её перебил, он боялся, что сейчас она сменит тему, как все взрослые, когда не хотят делать то, о чём их просят.

– Я сам буду заботиться о котёнке, – заверил он, – и отучу его царапаться. Он будет спать у мамы на коленях, чтобы ей не было скучно, когда я в школе или когда папа забирает меня на выходные. Я, может быть, даже научу его... – тут Марк прервался, увидев, что Анни черкает что-то на очередной салфетке. – Вот, – протянула она, – это мой адрес, хотя ты и так не заблудишься. Приходи завтра в дом с маками на фасаде, на главной улице, запомнишь? Приходи в гости, познакомишься с Мэри. На следующий день Анни испекла лимонные меренги и сварила горячий какао. Потому что феи, как ни крути, очень любят печь печенье для гостей и дарить котят десятилетним мальчикам и их мамам.

Сказка о фее, которая хотела в Париж

Вы спрашиваете, как девочки становятся феями? Я расскажу вам историю, совершенно правдивую историю о маленькой девочке с пухлыми щёчками и двумя белокурыми хвостиками, которая жила в большом, большущем доме. Эка невидаль, скажете вы, все маленькие девочки живут в каких-нибудь

домах, больших или маленьких. Но разница всё-таки есть. Некоторые девочки живут в больших домах с большим садом, таким большим, что можно ездить по нему на самокате, в детской у них стоит настоящий батут, а в кухне няня печёт яблочную шарлотку и сладкие гренки, которые французы называют «потерянный хлеб» – это забавно, но к нашей истории никак не относится. Другие маленькие девочки живут не просто в больших, а в очень больших домах с шумной улицей, начинающейся у самой двери. Кто в этих домах только не живёт: мамы, папы, ленивые студенты, кошки, собаки, рыбки-гуппи, даже – о ужас! – ящерицы и пауки, школьные учителя, хулиганы, водители такси, детские врачи и феи. Да-да, даже феи. Дома эти похожи на огромные неуклюжие корабли, особенно в сумерках. Вечером в кораблях зажигается сотня окошек, по крайней мере каждое четвёртое, и за каждым на подоконнике сидит по маленькой девочке, а то и двум – все они ожидают мам, возвращающихся с работы. И в зависимости от того, на каком этаже окошко, разным девочкам видны разные вещи. Некоторые девочки видят, как мамы выходят из метро, поправляют береты и натягивают перчатки. Другие девочки наблюдают, как мамы заходят в магазин рядом с домом и появляются из дверей с тяжёлыми сумками с картошкой, молоком и шоколадными вафлями на десерт. Нашей маленькой девочке из окна шестого этажа были видны кусочек улицы, газетный киоск и уголок детской площадки с горкой. Маму она замечала издали – это была самая красивая, самая изящная и добрая мама, с длинными русыми волосами и в красных осенних башмачках. Кэти, так звали нашу девочку, ещё издали могла узнать, хорошее ли у мамы настроение. Когда маме было хорошо, она подходила к газетному киоску и покупала Кэти разноцветные жевательные резинки, а в булочной – слоёные пирожные, а когда плохо, то шла домой, уныло опустив голову, останавливалась на полдороге, бормотала: «Чёрт, масло закончилось», – и возвращалась к магазину. За окном, конечно, не было слышно, как она бормочет, но всё равно всё понятно. А иногда мама сворачивала на детскую площадку и долго не поднималась на шестой этаж. Кэти не видела её, но знала, что мама сидит, поджав ноги, на старых качелях и мечтает. Тогда она соскальзывала с подоконника, брала мамину любимую жёлтую чашку и понарошку заваривала в ней чёрный чай с лимоном. Понарошку, потому что спички ей мама не давала.

У маленькой Кэти были свои маленькие секреты. Когда я называю Кэти маленькой, я, конечно, имею в виду её возраст, по росту она была выше всех девочек в своем первом классе, а по сообразительности

не уступала прыщавым восьмиклассникам. Да и секреты её, если присмотреться, были не такими уж маленькими. Ведь не каждая девочка умеет превращать полезную рисовую кашу во вкусное пюре из печёных яблок с мёдом, а пожухшие листья – в бабочек, самых настоящих живых осенних бабочек. Кроме того, Кэти умела разговаривать с фонарными столбами и даже учила их танцевать – и всё это она ухитрялась делать втайне от взрослых и задолго до того, как ей вручили настоящую волшебную палочку. Одним словом, Кэти была многообещающей юной волшебницей. Но главному её таланту позавидовала бы любая фея, если бы феи были способны завидовать. Кэти воображала. Ей нужно было только хорошенько зажмуриться и представить себе что-то желаемое во всех подробностях – и это что-то непременно сбывалось. Одним прекрасным октябрьским утром Кэти вообразила снег, настоящий, белый, пушистый снег, как будто живой, звёздочками ложившийся на жёлтые листья за окном, – и снег пошёл, тринадцатого октября, такой красивый, что даже взрослые не расстроились, а весело кинулись во двор играть в снежки. Чаще всего Кэти воображала всякие приятные мелочи: приезд крёстной, прогулку в зоопарк, красный вязаный шарф вместо скучного коричневого или мультики по телевизору, когда болела. Однажды она вообразила, что маме дали премию на работе. Сначала мама не поверила, потом разволновалась, потом позвонила лучшей подруге, чтобы поделиться радостной новостью, а потом махнула на всё рукой и купила два билета на море. Кэти тогда впервые увидела море, такое большое и синее, что потом его невозможно было представить, как она ни старалась. Она раскрыла глаза пошире и крепко вцепилась в мамину руку, чтобы не потеряться в синеве. Они так и делали всё, держась за руки: строили замки из ракушек, прыгали через волны с барашками, и ловили в прибое маленьких, с мизинчик, крабов, и отпускали их снова в море. А вечером мама надевала длинный, до земли, сарафан цвета морской волны и белую шляпу и гуляла с Кэти по набережной.

Я уже говорила, что мама маленькой феи была очень красивой, самой красивой мамой на свете? Глаза у неё были голубыми, в тон сарафану, волосы русыми, а на носу летом высыпали веснушки, совсем как у Кэти. Ещё у неё был такой голос, знаете, такой ласковый, как будто она словами гладила по голове. И все гулявшие по набережной, конечно же, оборачивались на красивую молодую женщину с красивой маленькой дочкой и улыбались им вслед, а некоторые даже улыбались в лицо и дарили мороженое и морские камни с дырочками. Мама говорила, что эти камешки называются куриный бог и что они на счастье. К концу каникул у Кэти собралось столько куриных богов, что ими без труда можно было

осчастливить всех маленьких девочек в её большом доме, а то и во всём городе, хотя никто, даже сам мэр, не смог бы точно их подсчитать. Так много, что из чемодана пришлось выложить мамины белые босоножки на каблуке, чтобы осталось место для камней. Мама так и шла вдоль платформы вокзала: в лиловом платье, в белой шляпе, которая тоже не поместилась в чемодан, одной рукой она держала за руку маленькую девочку, а в другой несла белые босоножки. А за чемодан пришлось заплатить носильщику, потому что рук у мамы только две, а ценного груза гораздо больше.

Как все маленькие девочки, Кэти любила оладьи с абрикосовым вареньем, сметану с сахаром, сладкий чай и рисовать с мамой. Маме доставался жёлтый фломастер и рисовать принцесс, а Кэти пририсовывала к ним принцев красным фломастером. Рисовать принцев – непростое дело, особенно если вы ни одного в жизни не встречали.

– Мама, а принц какой из себя? – спрашивала Кэти. Мама морщила лоб и рассеянно моргала, она ведь тоже не сталкивалась с принцами.

– Он высокий, с золотыми волосами и в шляпе – вот такой, – подсказывала ей Кэти, – и с бакенбардами! Кэти знала множество умных слов и разговаривала иногда совсем как взрослая.

– Продолжай, мама! – просила она. И мама продолжала:

– У него серые глаза и тонкие пальцы. И морщинки в уголках глаз, и грустная улыбка, и...

– И лошадь! – перебивала Кэти, хлопая в ладоши. И пририсовывала рядом с принцем лошадь на двух ногах. Лошадь была синей – ведь красный и жёлтый фломастеры были уже заняты.

– Он хорошо пахнет: немного кофе, немного парфюмом от «Эрмес», немного свежей рубашкой, – продолжала мама, – читает в метро и не носит перчатки.

– И еще он дарит цветы красивым девушкам, – шептала ей на ухо дочка и щекотно смеялась. Потом она зажмурилась и изо всех сил старалась вообразить настоящего принца – но никак не получалось.

Принцы получались кривоватенькими и никак не находили с мамой общего языка. Это вам не шутки – вообразить принца, никогда не видев ни одного даже издали.

– Мама, – однажды спросила Кэти, семена следом за мамой к трамвайной остановке, – как ты думаешь, где живут принцы?

Мама чуть замедлила шаг и оглянулась по сторонам. Утренняя улица была полна народу: дворники, спешившие по делам прохожие, лицеисты, пытавшиеся купить сигареты, старичок, выгуливавший лохматую собаку, собака, лаявшая на воробьёв, мамы с детьми и даже один папа с близнецами, продавец газет с газетами, лоточница с пирожками, водитель трамвая – в жизнерадостной, суетливой толпе не было ни одного принца.

– Наверное, в Париже, – сказала мама, – принцы живут в Париже, где же ещё... – И вздохнула.

О-о, Кэти знала, что за город Париж! Мама ездила туда в командировку на целых пять дней и привезла ей оттуда красную юбку с воланом, шоколадку с миндальными орешками и карманную шарманку, с которой Кэти не расставалась. На ночь мама рассказывала Кэти, как по утрам город Париж погружается в густой, молочный туман, из которого выглядывает только кончик Эйфелевой башни. Парижский туман так сладко пахнет свежими круассанами и цветами, что хочется намазать его толстым слоем на хлеб и съесть, запивая утренним кофе.

– Мамочка, а давай представим, что мы живём в Париже, – прошептала Кэти маме на ушко. Они как раз зашли в трамвай и уселись на единственное свободное место – возле окна, сначала мама, а к ней на руки – Кэти. – Давай вообразим, что мы живём в Париже, вдвоём, в красивой маленькой комнате под самой крышей, которая как чердак, но не чердак.

– В мезонине.– Да, в мезонине! А в окошке чтобы было много цветов, как будто мы настоящие принцессы. И чтобы внизу дома была кондитерская, и нам бесплатно дарили пирожные за то, что я такая милая маленькая девочка. И давай пусть у кондитера не будет детей, или давай пусть будут, но уже большие, поэтому он будет кормить меня шоколадом, как будто я ему родная.

– А что мы будем делать в Париже?

– Мы будем гулять. Мы тебе купим длинное бежевое пальто, как ты хотела осенью, и белый зонтик, а мне – фиолетовые сапожки, потому что в Париже часто идет дождь, ты сама говорила. Мы будем красиво гулять по набережной.

– Сены. Там, где букинисты продают открытки девятнадцатого века, а птичники торгуют клетками, – продолжила мама мечтательно.

– Мама, а что ещё делают принцессы в Париже?

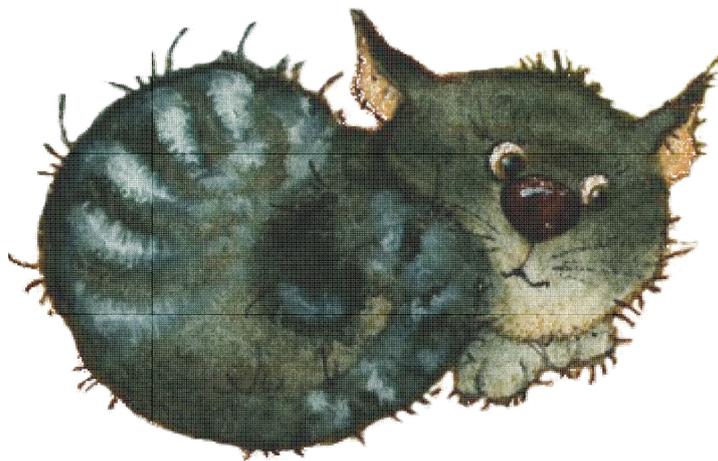
«Ну вот, мы уже стали принцессами», – подумала мама, а вслух сказала:

– Ну-у-у-у... Они ходят в театр, как мы с тобой. Помнишь, мы ходили на «Щелкунчика» и ты потом ещё месяц просила купить тебе пуанты? Они приветливо здороваются с прохожими, кушают на ходу сливочные трубочки и покупают букетики фиалок.

– Нет, мы с тобой не станем ничего покупать, просто будем гулять, гулять и кушать сливочные трубочки. А потом нам встретится принц. На мосту. Там везде принцы, а этот будет принц на мосту, чтобы мы его узнали. Он будет смотреть на уток и звать его будут Жан-Франсуа. И у него не будет шарфа, пусть ему шарф ветром сдует, что ли. И он будет так смешно втягивать голову в плечи, совсем как ты, когда идёшь от метро к дому. И вообще ему будет холодно, будет хотеться уехать из Парижа в тёплые края и чая ему будет хотеться. Потому что, понимаешь, ему некому заварить чаю, он же одинокий принц. Хотя очень красивый, – добавила Кэти, мечтательно закатив глаза. – И я подойду к нему и протяну ему сливочную трубочку, надо будет только не надкусывать её, а то вдруг он откажется. И он скажет: «Какая милая девочка!» – а я скажу ему: «Вы тоже милый», – а потом скажу: «А вот моя мама», – и покажу на тебя. Только ты стой поодаль и делай вид, что всё это случайно, и не кричи мне: «Кэти, Кэти», – и не дёргай за руку.

– А он? – А он сначала ничего не скажет, просто подумает, какая же ты красивая и что он тебя уже где-то видел. Принцам всегда кажется, что они всех уже где-то видели. А ты подумаешь, что у него серые глаза и нет перчаток. А я шепну ему: «Подарите ей фиалки, пожалуйста!», – и тут окажется, что у принца в кармане есть ма-а-аленький букет фиалок, и он, смущаясь, протянет его тебе. А потом он тебя поцелует.

– А что будет потом? – спросила мама, но Кэти не ответила. Трамвай качнулся на повороте, мама крепко прижала к себе маленькую фею, а та, зажмурив глаза, воображала Париж в мельчайших подробностях.

Сказка о фее, которая не хотела спускаться на землю

Фея Полина жила в старой голубятне, когда-то построенной чудачком-архитектором на черепичной крыше самого высокого дома в городе. С тех пор молодые архитекторы понастроили разных домов и крыш, но Полинин так и остался самым высоким, в хорошую погоду с него были видны все улицы, как на карте, с тонкими браслетами трамвайных путей и островками парковой зелени. Знали бы вы, как чудесно жить в такой голубятне, спать на облаке белоснежного пуха, который мягче любой перины и теплее любого одеяла, ходить босиком по тёплой и шершавой черепице, умываться дождевой водой из старой медной лейки, натёртой до блеска, и печь клубничную шарлотку с чуточкой розмарина, собственноручно выращенного в терракотовом горшке. Если бы вы знали, как это чудесно, вы бы тут же купили себе лестницу и побежали осматривать соседние крыши в поисках такой голубятни, но ведь голубятен очень мало, особенно в большом городе, поэтому я больше ничего не скажу, пусть прелести жизни на крыше остаются редким счастливицам-феям.

По утрам Полина вставала с птицами, а что ей оставалось делать, живя в голубятне, и поливала терракотовые ряды своих грядок да так старательно, что жителям верхнего этажа снилось, будто идёт дождь. Это очень важно – просыпаться до рассвета, если вы живёте на крыше. Во-первых, потому что воздух на рассвете такой чистый и влажный, что можно наливать его в кофейник и немедленно варить кофе. Утренний кофе, заваренный на утреннем предрассветном воздухе, – крепкий и звонкий, чуть пахнет цветами бузины и пьянит. Заварив этот кофе, можно закутаться в пушистый плед и наблюдать, как просыпаются улицы у вас под ногами. Если вы видели хотя бы раз, как пробуждается город, вы ни за что не ошибётесь в его характере. Есть города валяжные, они ждут, пока солнце не защекочет их ставни, и только тогда лениво потягиваются: сначала кошки, умывающимися на крыльце, затем рыночными торговцами, раскладывающими на прилавках рыжие тыквы, розовый чеснок, алые перцы и жёлтые, словно светящиеся изнутри, яблоки, а там и дородными матронами, пьющими кофе из крохотных чашек и ругающими торговцев за цены. Есть города суетливые, они и спать-то не спят и с раннего утра беспокоятся, вздрагивают, бегают туда-сюда ранними посыльными, ворчливыми дворниками, рыжими собаками, хлопают дверями булочных и сигналият первыми хриплыми клаксонами. В таком городе и жила Полина.

С высоты её крыши городская суeta казалась такой увлекательной, что Полина нацепляла на нос очки и усаживалась на самый краешек, свесив ноги, так, что если бы вам, проходящим рано утром по улице, вздумалось бы поднять голову, вы бы увидели её розовые пятки. Признавайтесь, когда вы в последний раз поднимали голову и смотрели вверх, идя по улице? Так я и думала. Может быть, это и к лучшему, а то вы испугались бы, увидев болтающиеся над головой пятки, и вызвали бы пожарных. Те приехали бы в красных машинах с сиренами, полезли бы на крышу по длинным лестницам и, чего доброго, испортили бы Полине утро. Подумать только, что может натворить фея, утро которой безнадежно испорчено вторжением пожарных!

К счастью, никто из утренних прохожих не догадывался посмотреть вверх, поэтому Полина спокойно болтала ногами в воздухе, пересвистываясь с парочкой дроздов, свивших гнездо на карнизе напротив. Ах да, я забыла рассказать, что Полина страстно любила свистеть. Она насвистывала, следя за молоком, закипающим на газовой плитке, по пути в булочную и подметая свою черепичную крышу, и даже во сне Полине случалось свистеть колыбельную. А уж по утрам... По утрам Полина свистела так старательно, что месье Антуан из соседнего дома выглядывал в окно с намыленным подбородком и бритвенным помазком в руке в поисках источника странного шума. К счастью, месье Антуан жил на пятом этаже и по привычке смотрел вниз на улицу, не находил там ничего выдающегося и, пожав плечами, закрывал окно.

– То ли трубы прохудились, то ли совсем распоясались мальчишки, – объяснял он дочери, приходившей в гости по воскресеньям с половиной сырного пирога. Месьё Антуан надевал к её приходу чистую рубашку и покупал яблочный сидр, и они славно полдничали, совсем как тридцать лет назад, когда дочь была совсем маленькой. В который раз завидев в окне растерянного месьё Антуана, дрозды хохотали, шлёпая друг друга крыльями и показывая на Полину. Вы никогда не слышали, как смеются птицы? Сначала смех бурлит у них в животе, как компот на сильном огне, потом пузырьки смеха подбираются к горлу и щекочут птицам клюв и наконец вырываются наружу радостной трелью. И стоило засмеяться одной птице, как смех подхватывала вся стая: вслед за веселившимися дроздами начинала смеяться Полина, на её смех появлялись из голубятни белые голуби, передавали шутку знакомым воробьям, те рассказывали скворцам – и скоро всё птичье население кудахтало, пицало и щебетало, да так весело, что даже самые занятые прохожие замирали на полушаге и прислушивались.

А вечером к Полине приходил Кот – большой серый кот с умными оранжевыми глазами. Когда-то его жестоко обидели люди, и Кот ушёл, обосновался на крышах, никогда больше не спускался ниже чердака и из людей здоровался только с Полиной. Кот называл себя бродячим философом и считал: чтобы понять людей, необязательно болтаться у них под ногами, а если смотреть на них свысока, то понимать-то особо и нечего. К его приходу фея взбивала рыбное суфле и наливала бокал вина из пузатой бутылки. Конечно, вино предназначалось ей, а не Коту, но знали бы вы, как приятно пить вино в компании доброго друга на самой высокой черепичной крыше города.

Пужинав, они усаживались бок о бок лицом на запад и любовались закатом. Кот был прекрасным собеседником – с ним можно было молчать, деликатно поглаживая его по тёплому боку, и сладко вздыхать в унисон. Будучи в хорошем настроении, Кот даже мурлыкал на восходящую луну. Ещё он ловко умел раствориться в сумерках и ступал так тихо, что Полина не замечала его ухода.

Оставшись одна, она зажигала маленькую масляную лампу и обходила свою крышу, пересчитывая одно за другим окна соседних домов, за которыми жили счастливые люди. Окна счастливых людей очень просто узнать, даже если вы не фея, – они первыми зажигаются в темноте, и струится из них щедрый и яркий свет цвета лавандового мёда, а вокруг окон пляшут золотые пылинки. Вы наверняка видели такие окна, в них непереносимо хочется заглянуть – подтянуться на руках на подоконник, прижаться носом к стеклу, чтобы разглядеть обитающие в счастливых квартирах лампы с абажурами, мягкие на ощупь занавески и обязательно пару-тройку плюшевых игрушек, даже если там живут одни взрослые. В счастливых квартирах – не всегда вымытые большие кружки и зачитанные до дыр на обложках книжки с кофейными пятнами на самых интересных страницах. В таких квартирах не страшно намусорить или что-то разбить – ведь посуда бьётся на удачу.

Таких счастливых окон не то чтобы много, но не совсем уж и мало, иногда по десятку на улицу, иногда – на целый город. А ведь бывают ещё и счастливые фонари, но об этом я расскажу как-нибудь в другой раз, если не забуду. Вокруг Полины счастливым светом сияло с полдюжины окон: в одном окне работали допоздна, в другом рассказывали детям сказку на ночь, в третьем шили, а в угловом плакали. И ни одному счастливцу за окном не приходило в голову принести на подоконник пару подушек и плед, налить себе большую кружку чая и наблюдать за вечерним небом. Сделай он это, он обязательно заметил бы, как по соседней крыше прыгает маленький огонёк масляной лампы. Какое странное занятие – заглядывать в чужие окна, подумал бы он, как будто сам ни разу не становился на цыпочки, пытаясь рассмотреть, что же там кроется в глубине чужой комнаты за жёлтыми или красными занавесками, и

распознать по запаху, что готовит хозяйка на ужин. Он бы удивился ещё больше, если бы увидел, как Полина аккуратно ставила на край крыши свою масляную лампу и доставала из-за спины длинную удочку, к которой было надёжно привязано серебряное ведёрко. В это ведёрко она ловила капли тяжёлой, золотистой жидкости, которая медленно стекала с карнизов счастливых окон, совсем как мёд из сот. В этой жидкости и заключалось главное волшебство – она была пропитана молекулами счастья. Когда ведёрко наполнялось до краёв, Полина осторожно, стараясь не расплескать, относила добычу в свою голубятню. Там уже ждали ряды банок, стеклянных пузырьков и жестяных коробочек из-под леденцов-монпансье. Полина выливала счастье в подходящую баночку и аккуратно пробовала кончиком языка, перед тем как запечатать крышкой.

Счастье, хоть и одинаковое на вид, цвета густого лавандового мёда, совсем разное на вкус. Есть счастье, тающее на языке сливочным кремом и шоколадным ликёром, есть щиплющее в носу пузырьками шампанского, счастье воспоминаний о прошлом имеет миндальную горечь, а счастье неожиданной встречи щекочет запахами корицы и апельсиновой цедры. А ведь есть ещё счастье новых возможностей и счастье грядущей дороги, счастье возвращения и счастье ожидания рождественских подарков, счастье выходного дня, проведённого в зоопарке, счастье первого поцелуя, счастье покормить живую белку и счастье считать падающие звезды. И в зависимости от того, какого счастья в ней было больше, жидкость была то сахарной, то фруктовой, то молочной, а то и вовсе солёной на вкус, как зимнее море и тёплые слёзы. Если правильно хранить счастье: дать ему как следует настояться в подходящей банке, стеклянной или жестяной, но если жестяной, то обязательно с красивым рисунком на крышечке, приклеить к банке этикетку, написанную обязательно перьевой ручкой, совсем как к банке варенья, и для верности взмахнуть раз-другой волшебной палочкой, то оно и за годы не потеряет свой вкус и цвет лавандового мёда. Полина хранила его до зимы, а там, когда из труб начинал валить белый дым, прохожие ёжились и втягивали головы в воротники и даже Кот опускал усы и прихрамывал на переднюю лапу, она открывала одну из своих банок и пекла пироги со счастьем. Знали бы вы, как пахли эти пироги! В их сладких недрах смешивался аромат жасмина и бергамота, свежесобранных листьев дикой мяты, маминых сырников и тёплого ещё хлеба с кружкой топлёного молока. На вкус они были как лето в деревне, как утренняя рыбалка, как поездка по городу на старом трамвае, как звуки виолончели, как плюшевый мишка, любимый с детства, неожиданно найденный в ворохе старых вещей. Как сказочная

повесть о Малыше и Карлсоне – теперь вы понимаете, каковы они были на вкус? Из оставшегося от начинки счастья Полина варила густую золотистую карамель, шарики которой были так похожи на маленькие солнца, – чтобы согреть ими карманы случайным утренним прохожим.

Чем больше окон светилось цветом лавандового мёда, тем счастливее был город, и тем усерднее прыгал огонёк масляной лампы, и тем вкуснее пахло на крыше, и тем позже ложилась спать Полина. Иногда она устраивалась на ложе из птичьего пуха, когда звёзды на небе бледнели и висели низко-низко. Это ещё одно преимущество жизни в старой голубятне – если в конце ночи, перед рассветом, протянуть руку в одну из прорех в её крыше, то с неба можно смахнуть несколько звёзд, запрятать в карман и через час весело звякать ими, отправляясь за булочками к утреннему кофе. Эти звёзды можно проносить в кармане целый день, а вечером, сразу после заката, когда серый кот щурится на луну, украдкой выпустить их обратно в небо.

Окон собственного дома Полина видеть, конечно же, не могла, а в нём каждый вечер появлялись два островка лавандово-медового света. За окном на втором этаже жил тромбонист, игравший то ли в третьем, то ли в четвёртом ряду какого-то эстрадного оркестра, а на девятом – дама с канарейкой и портретом Эриха Марии Ремарка у изголовья (кажется, в юности они были знакомы). Тромбонист был не очень молод, вполне зауряден внешне и влюблён. Влюблён той восхитительной нежной и ненарочной любовью, которой страдают только хорошие люди и только когда почти уже поздно. Хотя вовсе они ею не страдают, а наоборот, даже молодеют на десяток лет и даже вдруг «на старости», как они сами любят говорить, берутся выращивать цветы, рисуют портреты, пишут стихи, вышивают по шёлку и сочиняют музыку. Тромбонист был влюблён в официантку из соседнего бистро и частенько, когда у оркестра не было гастролей и не надо было бежать на репетицию, устраивался на тротуаре рядом с входом в бистро, обняв свой тромбон, и играл, пока официантка убирала со столов грязные чашки, сметала крошки или писала белым мелком меню на грифельной доске. И самое удивительное, что, заслышав его тромбон, останавливались не только прохожие, но и автомобилисты глушили моторы и даже трамвай застыл на рельсах, а пассажиры открывали окна и слушали музыку. В такие вечера музыка доносилась до самой

крыши, где Кот и Полина, прижавшись друг к другу, ждали заката.

Сказка о фее, которая любила карманы

Бесспорно, самая грустная пора года, даже для фей, это начало ноября, когда дни всё укорачиваются и укорачиваются, пока не сожмутся в один-единственный солнечный лучик, на улице сплошь подмёрзшие лужи, а до первых рождественских открыток ждать ещё невыносимо долго. Особенно грустно тем, у кого на эти дни выпадает день рождения. Феиные дни рождения прекрасны весной, когда все наперебой дарят имениннице цветы, мартовских зайцев и апрельских рыб. Чудесны они летом, когда феи высыпают дружной компанией на зачарованную лужайку, пьют вино и напропалую целуют лягушек. Зимой можно устроить катание на санках, лепить снежную ведьмочку и пить горячий шоколад с кайенским перцем в честь новорождённой. И даже осенние дни рождения прекрасны... пока не наступит ноябрь. Где-то за неделю до дня рождения несчастные ноябрьские именинницы начинают получать открытки с извинениями. «Пгости, забогегга ангиной, пггrrrrrxxxx, обгепиховый чай не помогает, буду сидеть дома. С днем гождения!» или «Ввиду сезонной депрессии улетела в Африку с попутной стаей аистов. Увидимся

весной» или даже «Впала в спячку. Целую».

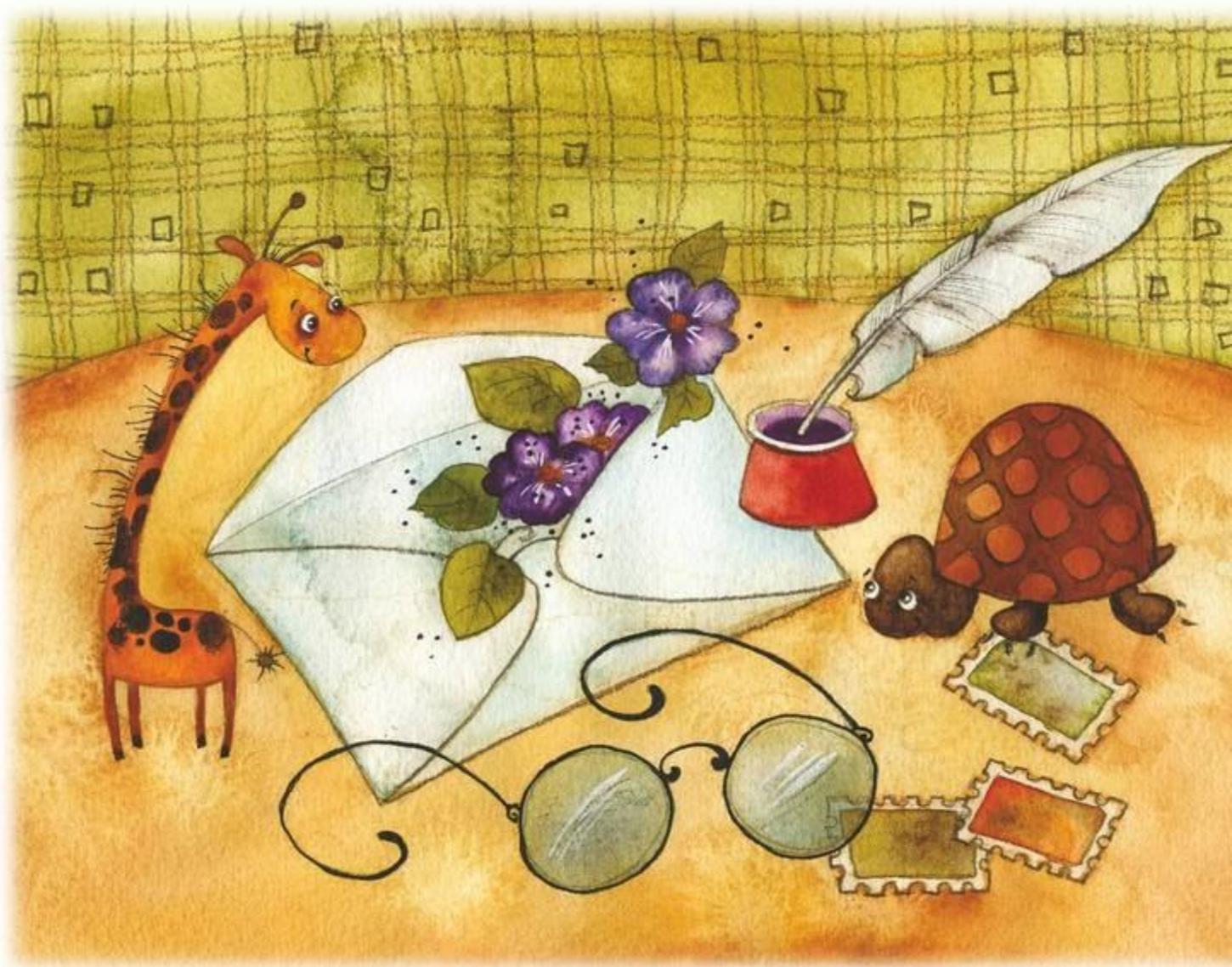
За два дня до дня рождения становится ясно, что некому будет шуметь и оставлять в прихожей тридцать пар туфелек на каблучках, кушать замечательный торт «Наполеон» с вафельной посыпкой и дарить ноябрьской фее милые мелочи: копию кольца Нибелунгов, крошечных фарфоровых балерин, которые танцуют сами, стоит им услышать увертюру из «Ромео и Джульетты», книжки сказок с переливающимися иллюстрациями из таитянских раковин и коллекцию фильмов с Чарли Чаплином. Вот и приходится бедненькой ноябрьской фее встречать день рождения у себя на кухне в красной пижаме и в шерстяных носках, прихлёбывая чай и листая французский журнал мод.

Фея Лана была совершенно из другого теста. Во-первых, у неё на кухне обитала настоящая чугунная плитка на дровах, кресло-качалка, рыжая такса Ласка на коврике перед плиткой и две настоящие ласки, свободно перемещавшиеся в пространстве. Во-вторых, запах торта «Наполеон», который фея готовила по особому рецепту, с двойной пропечкой коржей и семенами мадагаскарской ванили, мог поставить на ноги не только больную, но даже мёртвую фею. И в-третьих, ровно 31 октября, в преддверии ноябрьской тоски, Лана доставала из шкафа своё волшебное пальто. Не спрашивайте про фасон и цвет пальто: оно было то длинным и узким, то коротким и расклешённым, то белым, то красным, то бирюзовым, а однажды даже жёлтым – всё зависело от Ланиного настроения.

Но главное волшебство было вовсе не в этом и даже не в феином умении подбирать к пальто шарфики и сумочки. Волшебство было в карманах. Не спрашивайте меня, сколько карманов имелось в волшебном пальто: если бы вы, например, повстречали случайно фею Лану на улице, то вам бы не хватило времени пересчитать все её карманы, кармашки и карманчики, пусть бы вы даже остановились посреди улицы и невежливо устали бы ей вслед. Карманы были там, где им полагается быть (два по бокам, один на груди и пара потайных), и там, где им быть вовсе не полагается: по подолу, на рукавах, в рукаве, на спине и даже на воротнике. Карманы эти пахли, звенели и топорщились невероятными сокровищами. Лана в них носила записные книжки с карандашиками, клубки пряжи, зёрна овса (для птиц), веточки розмарина, стручки ванили, серебряные монетки, засахаренные фиалки, часы-хронометр луковкой, почтовые марки, мускатный орех и к нему крошечную серебряную тёрку, живую сухопутную черепашку, звёздочки аниса, лепестки роз, яблочные семечки, поводок для собаки, подстольную книжку (ту, что можно читать под столом, когда, например, сидишь на скучной лекции или тебя отчитывает начальник), сладкий миндаль, семь пар вязаных перчаток и ещё две перчатки без пары, увеличительное стекло,

кофейные зёрна, восковую свечу, розовые очки и, конечно, волшебные палочки. А палочек у феи была не одна, а целых четыре! Уф, как я ни старалась, всё равно не перечислила всего, что водилось у Ланы в карманах.

Вы уже поняли, что свой день рождения Лана встречала вовсе не в кресле-качалке за рассматриванием французского журнала мод (хотя признаюсь, что феи любят журналы мод, особенно когда в них пишут по-французски и про сумочки). Ноябрь наша фея проводила за поиском именинников. Найти ноябрьских именинников очень просто, хотя бы один такой живёт на каждой улице любого города. Нужно только набраться терпения, обойти все подъезды, осторожно открыть каждый почтовый ящик маленьким ключиком, который неизменно болтается на дне... э-э-э... второго кармана снизу на левой стороне подола Ланиного пальто, и посмотреть, нет ли в ящике стопки открыток со словами «С днём рождения!» и «Извини, никак не могу приехать». Найдя такой ящик, Лана доставала из одного кармана гладкий на ощупь белый конверт, а из другого что-нибудь приятное. А приятного из её карманов извлекалось огромное множество: шоколадные трюфели в золотых обёртках, географические карты, билеты в театр, морские пейзажи, вязанные носки, фигурки жирафов и фарфоровые колокольчики. Она осторожно упаковывала приятное в конверт, подписывала карандашиком имя именинника и так же осторожно закрывала почтовый ящик.

И только однажды в волшебных карманах у феи Ланы не нашлось хорошего подарка. Она стояла в растерянности в тёмном подъезде четырёхэтажного кирпичного дома в самом конце извилистой улицы без единого кафе и шарил по карманам. Но ни в одном, ни в однёшеньком, даже самом маленьком карманчике не было ничего подходящего. От досады фее захотелось заплакать и превратить почтовый ящик в жабу – что он щерится своей жалобной щелью?!

– Билеты в кино, – в смятении бормотала фея, – на двоих, не подходит. Книжка о путешествиях? На китайском! А это что такое?! Ступка для специй? – Фея принялась, но в подъезде пахло только сыростью и горелым. – Эх, да тут не готовят! Велосипед?! – Конечно, велосипед не поместился бы в почтовый ящик, но от отчаяния фея готова была на самое безрассудное волшебство. – Эх-х! – сказала она ещё раз сама себе и топнула ногой, да так сильно, что разбудила черепашку, дремавшую в нагрудном кармане. И тут на лестнице послышались шаги.

Надо сказать, что даже опытные феи здорово волнуются, если кто-то незнакомый застаёт их за волшебствованием. Лане стоило немалого труда быстро и бесшумно захлопнуть чужой почтовый ящик, засунуть ключик в карман и придать лицу невинное и даже чуть растерянное выражение. Как только она всё это проделала, в проёме между лестницами первого и второго этажей, знаете, в таком зазоре между перилами, откуда видно всё, что происходит у входа, появилась голова. Голова была девичьей, белобрысой, синеглазой и очень плохо подстриженной.

– Кто вы? – удивлённо спросила голова, разглядывая фею в ярко-красном пальто с множеством карманов. Брови у неё были тонкими и светлыми, а нос почти рыжим от веснушек.

– Э-э-э-эм-м-м-м, – проблеяла Лана, не ожидавшая такого напора. – Я ищу мадам Канн.

– А кто это? – снова удивилась голова, разглядывая Лану ещё внимательней.

– Мадам Канн, модистка. То есть кондитерша! Мне сказали, что она даёт на дому уроки по выпечке тортов.

Надо сказать, что в умении сочинять небылицы с феями не сравнится никому. Голова рассмеялась.

– Что вы, здесь в помине не водилось кондитеров! Но если вы не торопитесь, – смущённо добавила она, – я могу угостить вас конфетами.

– Я очень люблю конфеты! – энергично заверила Лана, один из левых карманов которой был набит собственноручно приготовленными шоколадными пралине в блестящих обёртках.

Лана миглом взлетела на второй этаж, где её ждала обладательница синих глаз и неудачной причёски. Вблизи было видно, что уголки её голубых глаз покраснели и на щеках остались разводы.

– У меня сегодня день рождения, – виновато пояснила девушка. – А меня некрасиво подстригли, видите,

как нарочно. И пирог сгорел. И никто не пришёл праздновать. Заходите!

Она распахнула перед Ланой дверь, из-за которой жарко и горько пахло горелым.

– Ну так я и думала, – пробормотала Лана, оказавшись внутри. В маленькой квартирке была полосатая кошка, и оранжевые занавески, и обои в полоску, и фигурки на множестве полочек, и тканые коврики, и множество тёплых тапочек в прихожей. А вот гостей в квартирке не было, их не было, кажется, с прошлого года.

– Пойдём на кухню! – скомандовала Лана.

На глазах у девушки она решительно сняла своё красное пальто, повесила его на крючок в прихожей, а из кармана достала кухонный передник, карманов на котором было ещё больше. Из кухни так сильно пахло гарью, что найти её можно было с закрытыми глазами. Однако на пороге стоило раскрыть глаза пошире, чтобы не поскользнуться в луже чего-то похожего на сгущённое молоко. Стол, стулья и многочисленные полочки были усыпаны белой мучной пылью, а на плите беспомощно громоздилась горка безнадежно испорченной посуды. Фея потянула носом.

– С яблоками? – поинтересовалась она.

– Из бабушкиного сада, – жалобно подтвердила хозяйка кухни и суетливо бросилась смахивать муку со стола и стульев. – Присаживайтесь, я налью вам чаю. – Но не успела она договорить, как на столе появились две чашечки тонкого фарфора с серебряными ложечками, замечательный белый молочник и, конечно же, французский журнал мод. Из правого кармана передника фея Лана достала крохотную ручную кофемолку и щедрую горсть кофейных зёрен. – Давай сварим кофе, – предложила она, – остальное устроится само собой.

Конечно, всё устроилось. Фея нашарила в рукаве настоящий поварской колпак и с энтузиазмом закружилась по кухне. Из её карманов появлялись друг за другом брусочки свежайшего бретонского масла, стручки ванили, палочки корицы, жёлтые комочки карамели, мелкие ситечки, мешочки для крема, апельсиновые цукаты и миндальная стружка. Вскоре по кухне разлился аромат слоёного пирога, достойный самой лучшей кондитерской в канун январского праздника Трёх Волхвов. Аромат чуть-чуть задержался на кухне, подразнил кошку, задремавшую на подоконнике, просочился в коридор, оттуда за дверь, погулял по подъезду и, наконец, вырвался на улицу. Видели бы вы лица прохожих, которым

щекотал ноздри настоящий зимний аромат пирога с ванилью, корицей и апельсиновыми цукатами! – Кажется, гости не заставят себя ждать, – удовлетворённо сказала Лана, – но мы ещё успеем сварить кофе. Она извлекла из левого кармана блестящую медную джезву, налила в неё холодной воды и всыпала тонко помолотого кофе, а когда пенка совсем поднялась, добавила щедрую щепотку ярко-красного порошка перца. Вместе с именинницей она разлила кофе по чашкам и зажгла свечи, а за окном нежданно-негаданно закружился первый ноябрьский снег.

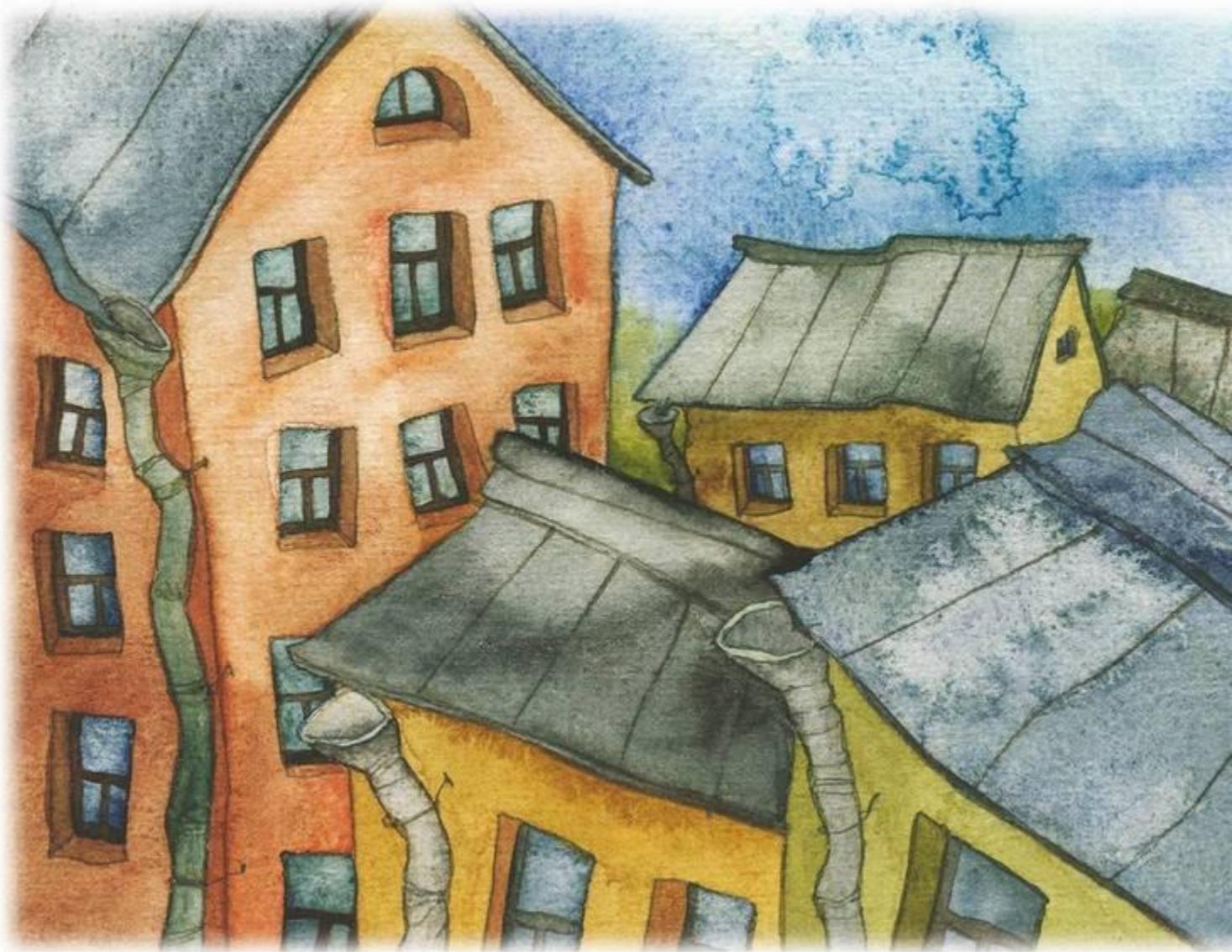
Сказка о влюблённой фее

Вы замечали, как чудесно устроены старые города? Те, что хлопают ставнями, скрипят ступенями, дребезжат ржавыми трамваями, а глядишь, и хлюпают мокрым бельём над головами неосторожных прохожих. Всё в них замечательно и интересно: улицы и дворики, столики и лавочки, вывески и занавески, и даже кошки окрашены в цвета городского герба.

Некоторые думают, что старые города похожи на мешок феи-старьёвщицы. Эта фея (обычно преклонного возраста) знай себе путешествует с узелком за плечами, подбирает то, что одним не нужно, а другим важно, с удовольствием отзывается на приглашения выпить кофе с сахаром или бокал десертного вина и позволяет любому желающему запустить руку в её мешок и вытащить оттуда то, что первым скользнёт в пальцы. А там уж как повезёт. Некоторые вытаскивают из мешка редкие сокровища: компасы, счастливые лотерейные билеты, медальоны на память, даже обручальные кольца. Другим достаётся разный хлам вроде сломанных игрушек и ржавых вилок. И что бы ни досталось смельчаку, фея-старьёвщица только улыбнётся его выбору, допьёт чашку кофе до самого доньшка и отправится дальше. Города немного похожи на такой волшебный мешок, в них всё перетряхивается.

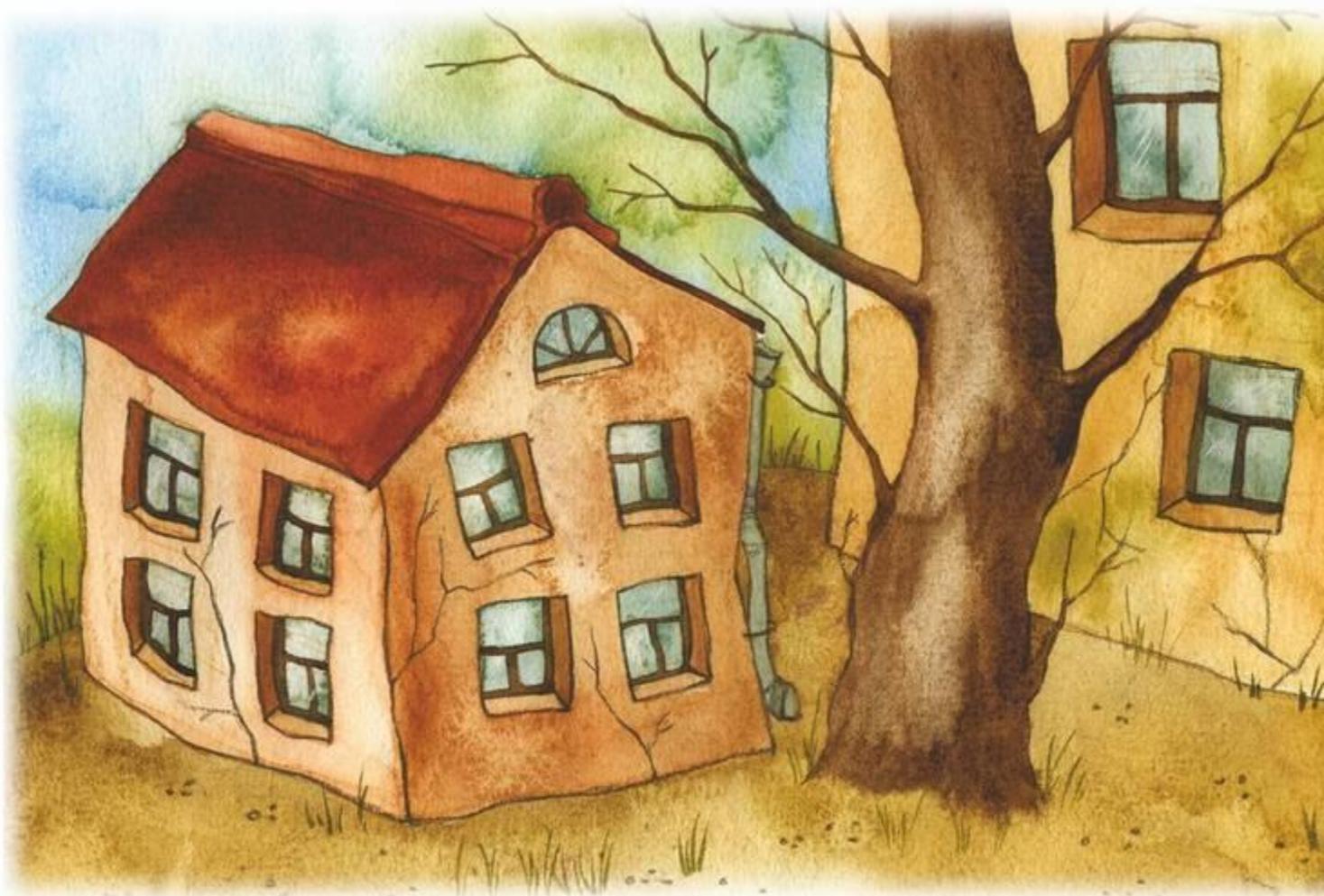
Перемешивается хорошее, плохое и волшебное, и каждый хочет попытаться счастья, но везёт не каждому.

Лично я думаю, что старый город – это что-то среднее между швейцарским сыром и швейцарским часовым механизмом: в нём так много дыр, ходов и выходов, так много шестерёнок, неожиданных поворотов и непонятных подворотен, что ничего не стоит заблудиться. И пахнет город, как пахнет швейцарский сыр – вкусно-молочно с лёгкой затхлостью. И всё же всё в нём нужно и важно и имеет своё назначение, как в хорошо отлаженных часах: на Башмачной улице вам починят обувь, на Пекарской – угостят мягким белым хлебом только что из печи, Лесная уведёт прочь из города, а над Свечной улицей поднимается тёплый восковой туман. Если приглядеться и прислушаться, то всё в городе понятно и всё к месту. Всё, кроме какой-нибудь маленькой невзрачной улицы, неведомо как затесавшейся в самое сердце города – такой вроде бы лишней шестерёнки. Такую улицу зачастую даже на карте города не рисуют, а если уж рисуют, то не стараются особенно, да ещё и забывают подписать её имя.

На первый взгляд, Весенняя улица была в городе совсем-совсем лишней. На неё смотрели всего два двухэтажных дома и задняя дверь кинотеатра, та, из которой выпускают зрителей на свободу после длинного фильма, когда билетёрша уже ушла домой дремать перед телевизором или вязать внуку шарф. Даже странно, что кому-то пришло в голову назвать этот закуток города улицей, тем более Весенней, на ней ведь не было ни единого дерева! Хотя нет, одно дерево всё же было – в маленьком дворике-колодце, в который можно было попасть только через узкую подворотню как раз напротив двери кинотеатра, пригнув голову и прижав руки по швам. Дерево напоминало старую яблоню, оно несомненно было старше двора, старше улицы и, наверное, старше самого города. Скорее всего, в давние времена шёл неизвестный странник в неизвестном направлении, устал в дороге и остановился перекусить в тени. Перекусив, он решил вздремнуть, вздремнув, надумал искупаться в речке, что в те времена текла неподалёку, искупавшись, почувствовал, что снова проголодался. Прожив таким образом под деревом день или два, странник решил, что неплохо бы построить шалаш, с годами шалаш превратился в дом, возле дома появился второй, за ним третий... И постепенно дерево оказалось в маленьком дворике, окружённое старыми двухэтажными домами со скрипучими лестницами и деревянными ставнями на окнах, а вокруг вырос целый город с улицами и проспектами, фонтанами и отелями, с мостом через реку

и с каруселью на главной площади. Вы уже догадались, что Весенняя улица была непроста, а обитатели казались обычными только на первый взгляд. Например, дерево только притворялось яблоней, точнее, оно притворялось не только яблоней: иногда оно было цветущей мимозой, иногда вишней, иногда грецким орехом, время от времени даже финиковой пальмой.

«Какое хорошее дерево», – первое, что сказала фея Ана, поселившись на первом этаже старого двухэтажного дома на Весенней улице. Дерево в ответ зашелестело листьями и бросило под ноги Ане жёлудь – ему тоже понравилась фея. Да что там, фея Ана нравилась решительно всем – она была маленькой, весёлой и непрерывно чем-то занятой, она улыбалась каждому встречному, с любопытством рассматривая его из-под длинной чёлки, она любила кофе со сливками и блинчики с черничным джемом, особенно в кафе, особенно за удобным столиком у окна, из которого видно улицу, она носила перчатки без пальцев и красный шарф, серёжки и браслеты, а в сумке – обязательно вязание и толстую книжку, обёрнутую в разноцветную подарочную бумагу с прошлого Рождества, она любила обнимать знакомых, но главное – она была восхитительно, легкомысленно влюблена, так влюблена, что, глядя на неё, юноши отращивали бакенбарды и начинали писать стихи, коты убегали на крыши, мужа целовали жён в мочку уха, а старые холостяки сбрасывали бороды и давали объявления в рубрику знакомств в местной газете. – Какое хорошее дерево! – сказала фея Ана и потёрла руки.

Она часто потирала руки, и каждый раз этот невинный жест приводил к совершенно неожиданным последствиям. Иногда из рукава феи вылетал белый как снег почтовый голубь с ажурным хвостом, иногда на небе появлялась радуга, иногда в январе расцветали насыщенным розовым цветом персиковые деревья, а иногда на крышах соседних домов зажигались жёлтые ёлочные гирлянды, неизвестно откуда появившиеся. А дело было во влюблённости. Искренняя влюблённость подчас самых обычных девушек превращает в фей, а уж опытных фей делает во много раз мудрее и волшебнее. Чудеса, для которых обычным феям необходима волшебная палочка и некоторое усилие воли, вокруг влюблённой феи начинают происходить сами собой, тянутся за ней шлейфом и даже иногда предшествуют ей. Если влюблённая фея улыбнётся прохожему, в тот же вечер его ожидают хорошие новости, стоит ей запеть от счастья или даже насвистеть детскую песенку, как в город слетаются все певчие птицы округи, а когда она плачет (ведь от этого не застрахована ни одна влюблённая девушка, даже фея), то по крышам и окнам начинает стучать ласковый тёплый дождь. Сегодня я попала именно под такой дождь – в начале февраля! Весенняя улица как нельзя больше подходила Ане. А уж дом... её странный и замечательный дом, казалось, был построен специально для фей. Стены и потолок в нём были украшены сетью трещин, похожих на географическую карту мира, кухня сияла синими

португальскими изразцами, старые половицы трещали, как палуба пиратского корабля в бурю, а в закутке у входа в дом журчал настоящий фонтанчик. С приходом феи Аны старый дом почувствовал вторую молодость. Он любил восковые свечи, кокетливые кружевные занавески, петунии и запах жасмина, по вечерам он скрипел и шептал Ане колыбельные, пока она не засыпала, а сам ночь напролёт беседовал с притворяющимся деревом, как и он, страдавшим бессонницей.

– Думаешь, её возлюбленный скоро приедет? – заговорщически шуршало дерево.

– Как знать, – кряхтел старый дом, – вчера она снова получила письмо. – И дом поплотнее прикрывал ставни, чтобы спящую фею не побеспокоил лунный свет. Просыпаясь утром, Ана гладила его стену, оклеенную выцветшими обоями, тихонько пробиралась босиком к окну своей спальни, чтобы поздороваться с деревом, ловила ладонью первых солнечных зайчиков, потом шла на цыпочках в кухню – варить кофе. Старый дом так любил встречать утро запахом кофе и шкворчанием блинчиков на сковородке! Он вдыхал кухонные запахи всеми щелями и даже почавкивал в такт. Плотно позавтракав, Ана принималась за посуду – целых десять фаянсовых чашек с выгнутыми ручками и синими боками каждое утро отправлялись одна за другой в медный таз, полный тёплой воды с пенным марсельским

мылом, затем вытирались мягким полотенцем и располагались полукругом на кухонном столе на случай незваных гостей. К чашкам прилагались малахитовые ложечки, блюдо с черничным пирогом, пузатый кофейник и чуть надтреснутая сахарница. Справившись с посудой, влюблённая фея открывала все окна, натирала полы сладко пахнущей мастикой, сметала пыль с книжных полок и отправлялась гулять.

«Какая легкомысленная фея, – с нежностью думал старый дом, наблюдая, как Ана сворачивает за угол, – опять не заперла дверь на ключ».

Феи страстно любят гулять, особенно в парках, и по многолюдным улицам с красивыми витринами, и по переулкам, где ещё сохранились газовые фонари, иногда в лесу за городом, а можно и на окраине, где все друг друга знают и дети гоняют день-деньской на велосипедах. Да что там говорить, феи любят гулять. Влюблённые феи почему-то гуляют на вокзалах. Если не считать суеты, шума и некоторой загрязнённости, вокзалы – прекрасное место для прогулок и признаний в любви. У них зачастую высокие своды из толстого рельефного стекла, поддерживаемые железными балками, на которых гнездятся голуби, у них длинные платформы, по которым можно ходить туда-сюда или бежать кому-нибудь навстречу, деревья в больших кадках и скамейки для ожидания. На вокзалах обязательно есть большие, даже огромные часы и чёрные табло с множеством красивых названий. Главное, запомните, на вокзале всегда, даже поздно вечером, даже в воскресенье, продаются живые цветы. А с букетом цветов замечательно кого-то встречать – это красиво и приятно даже посторонним людям и отлично занимает руки, если не хочешь их прятать в карманы. И даже если никто не приедет, хотя вы и договаривались, всегда можно подарить букет случайному незнакомцу – пусть у него станет тепло на душе. Фея Ана обязательно покупала цветы, и ждала у газетного киоска, и выпивала кофе из бумажного стаканчика, а кекс крошила на салфетке и отправляла в рот изюмину за изюминой, а потом читала про себя все названия городов на чёрном табло сверху донизу и выбирала себе один, куда ей очень хотелось поехать. Однажды она чуть не купила билет, но вовремя одумалась – её возлюбленный мог приехать со дня на день, как бы они не разминулись. Когда Ана совсем уставала ждать, она садилась на скамейку и, закрыв

глаза, прислушивалась к стуку колёс. Иногда колёса стучали так красиво и слаженно, что Ана принималась напевать детскую песенку. Вечером начальник вокзала трогал Ану за плечо и вежливо предлагал проводить её до дома. Фея соглашалась: во-первых, она не любила отказывать, как и все феи, а во-вторых, начальник вокзала был замечательным дедушкой старой закалки, любил побеседовать по душам и боялся ходить в темноте. Ана частенько провожала его до самого дома и даже до прихожей, чтобы вручить дневной букет его румяной и робкой жене.

– Думаешь, её возлюбленный скоро приедет? – спрашивала жена начальника вокзала, когда за Аной закрывалась дверь. Тот растерянно качал головой и думал про себя, что тогда некому будет провожать его в темноте до дома.

Ана возвращалась на Весеннюю улицу с пустыми руками, напевая по дороге то детские песенки, то твист, и без труда попадала в дом, даже если забывала ключи – ведь дверь не была заперта. На кухне частенько оставался вкусный, не остывающий чай и кусок черничного пирога, который фея поглощала на ужин, устроившись на подоконнике так, чтобы было видно притворяющееся дерево и кусочек звёздного неба. Старый дом так любил эти поздние ужины, он любил, когда пахнет пирогами и тёплые пальцы гладят его потёртые оконные рамы. Вы не поверите, но крохотный двор-колодец, в который днём редко проникал солнечный луч, ночью был залит лунным светом. Старый дом поплотнее прикрывал ставни, чтобы свет не беспокоил засыпающую фею, а притворяющееся дерево сбрасывало дневные листья, стараясь шуршать как можно мелодичней.

– Спит? – шептало оно.

– Спит, – скрипел в ответ дом вполголоса.

– Как ты думаешь, – кокетничало в ответ дерево, – кем мне завтра притвориться? А фее уже снились сны.

Сказка о фее, которая видела сны

Дорожка к дому была, как и положено, посыпана жёлтым песком, а по бокам от неё кивали головками крокусы, как будто на дворе была не середина декабря, а какое-нибудь двадцатое марта. Окна в доме были распахнуты и пахло из них так, что любой, даже случайный прохожий, сразу бы догадался, что тут живёт самая настоящая фея. Кому же ещё, кроме феи, придёт в голову печь булочки с корицей и апельсиновым джемом в самый обычный будний день? А кто ещё может сушить мандариновые корки, разложив их тонким оранжевым слоем на крыше, или развесить на ветвях деревьев гирлянды настоящих леденцов и украсить входную дверь гроздьями китайских колокольчиков?

Завидев издали случайных гостей, застывших на жёлтой дорожке, колокольчики звенели на разные лады, приглашая в дом.

– Заходите, что же вы медлите! Не стучитесь! – вторила им фея, высунувшись по пояс из окна кухни. – Только не наследите в прихожей!

После такого приглашения даже самые случайные прохожие, заглянувшие в садик полюбоваться на крокусы, с готовностью забывали о том, куда и по каким делам они спешили, открывали входную дверь, выкрашенную синей краской, и оказывались в прихожей. Сразу же становилось понятно, что в доме горит камин – там было тепло, в воздухе вился сладкий праздничный дух, а вдоль стены в два ряда выстроились разноцветные войлочные тапочки. Ах, нет ничего лучше, чем зимним вечером ходить в гости, где вас ожидают цветные войлочные тапочки! Ради этого стоит отменить поход в театр и срочное совещание на работе, и даже если вы собрались в дальнюю дорогу и несёте за плечами тяжёлый рюкзак, а в кармане – билет на поезд, стоит всё отложить на потом, переобуться в тапочки по размеру и тихонько пройти по длинному коридору на треск поленьев в камине и запах корицы и апельсина.

– Располагайтесь, – сказала фея, хлопотавшая на кухне спиной к гостям. Спиной она поворачивалась вовсе не от недостатка вежливости, просто на деревянной плитке уже клокотал густо-красный глинтвейн, и часы с маятником пробили условленное время. В доме был заведён строгий порядок: зимой в первый час сумерек подавался глинтвейн, да такой крепкий, что кровь прилиwała к щекам и кончикам пальцев, и гости, совершенно забыв, что случайно оказались в доме феи, принимались болтать, после играть в шарады, съедали весь ужин и снова разговаривали, пока не наступало время спать.

Всего этого Лу, конечно, не знала. Она присела на краешек свободного стула, от смущения сложив перед собой руки, как за школьной партой. На столе, огромном дубовом обеденном столе, исцарапанном сотнями вилок и кое-где закапанном воском, царил весёлый кавардак: по краю стояли стаканы толстого стекла, только что вымытые, сверкающие каплями на пузатых стенках, горкой лежало старомодное столовое серебро с перламутровыми ручками и висилась гора фаянсовых тарелок из сервиза «Сцены крестьянской жизни» – если наклонить голову, то казалось, что крестьяне подмигивают друг другу и втайне подсмеиваются над феиными гостями. Венчала это великолепие трёхлитровая банка вишен, на треть пустая, но на две трети рубиново-полная, манящая и искушающая.

Как только Лу увидела эту банку, ей непреодолимо захотелось запустить туда руку, подхватывать пальцами липкие сладкие вишни и одну за другой отправлять в рот. Чтобы не смотреть на банку, пришлось смотреть по сторонам: на полки буфета с разноразмерными пузырьками и пучками непонятных трав, на грозди разноцветных кухонных полотенец с вышивкой, корзину с апельсинами и грецкими орехами, три одинаковые мисочки со свежими густыми сливками на подоконнике, швейцарские часы с маятником и кукушкой (кукушка давно уже вышла на пенсию и перестала объявлять время, но иногда выглядывала из своего домика из праздного любопытства), фарфоровые чашечки для чая и чашечки для

кофе, медные кастрюли, огромный котёл для варенья, даже издали пахнувший сахаром, смородиной и абрикосами, и в спину самой хозяйке. Со спины фея казалась строгой: рукава тёмно-синего платья туго обтягивали её пухлые ручки, на шее змеился шнурок очков, а на талии красовался самый аккуратный, самый накрахмаленный бант кухонного передника, какой Лу только доводилось видеть.

«Интересно, где она прячет волшебную палочку?» – подумала Лу. Ей уже не раз доводилось видеть фей и даже бывать у некоторых в гостях.– Поторапливайся, Лу, гости ждут! – воскликнула фея, и Лу от неожиданности подскочила на стуле и удивлённо переглянулась с Домиником. Да, Лу путешествовала с Домиником, ведь путешествовать вдвоём намного интересней и полезнее, чем в одиночку. Когда путешествуешь вдвоём, есть кого ткнуть локтем в бок и закричать: «Смотри, какая красота!» – есть с кем, купив банку персикового компота и свежий хлеб, устроить пикник на поляне, а потом побежать купаться и нырять на спор, кто сможет дольше не дышать под водой, а вечером у костра, когда не спится, есть кому рассказывать сказки.

– Откуда она тебя знает? – прошептал Доминик, не отрывая глаз от феи. Фея тем временем элегантно жестом подозвала к себе медный черпак («вот честное слово, она даже не прикоснулась к нему!» – подумал Доминик, но ничего не сказал вслух), разлила по чашкам щедрые порции глнтвейна и наконец повернулась лицом к гостям.

И сразу стало понятно, что строгой фея казалась только со спины. Щёки у неё покраснели от печного жара, чёлка растрепалась во все стороны, очки запотели, а голубые глаза за стёклами очков были весёлыми и любопытными.

– Добро пожаловать! – сказала фея и удовлетворённо потянула носом – глнтвейн удался на славу. – Добро пожаловать в домик Лу! – провозгласила она, протягивая гостям по дымящейся чашке с глнтвейном.

– Спасибо, – смущённо пропищала Лу, всё ещё ничего не понимая.

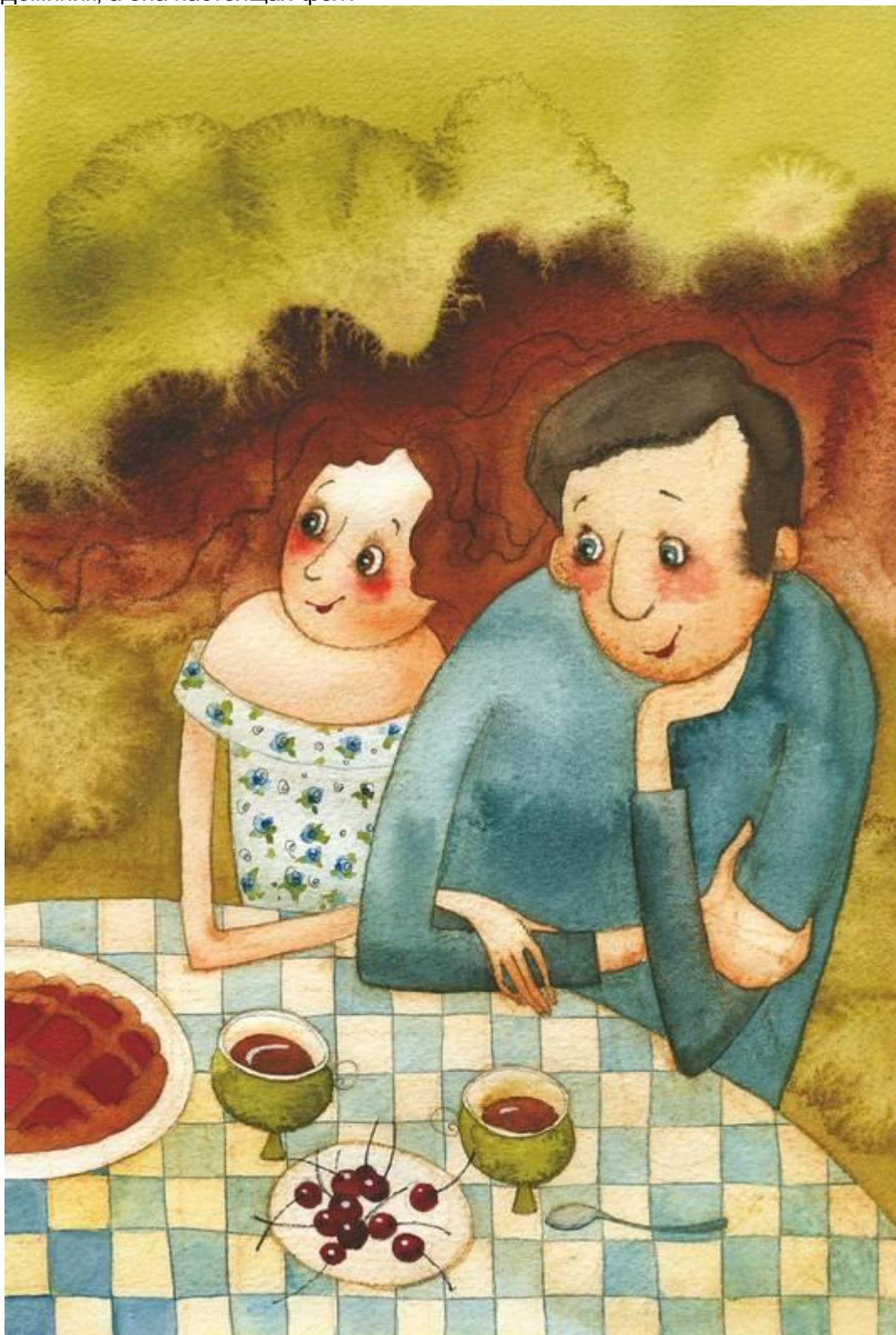
– А почему домик называется Лу? – спросил Доминик – он был старше и смелее подруги. Фея заливисто рассмеялась в ответ.

– Потому что меня зовут Лу, тётушка Лу, и это мой домик. А вы – мои гости, – добавила она для верности. Доминик даже присвистнул.

– Вот её, – он указал на Лу, хотя сам считал, что показывать пальцем невежливо, – тоже зовут Лу, просто Лу. Мы ещё никогда не встречали никого с таким же именем.

Ах, эти смелые мальчики! Они обошли пешком и объехали с попутной машиной три соседних города и

мнят себя опытными путешественниками!– Просто Лу, – улыбнулась хозяйка и подмигнула Лу поверх очков. – Почему вы решили, молодой человек, что она просто Лу? Может статься, что это вы – просто Доминик, а она настоящая фея?

Доминик пожал плечами, он ведь знал Лу с самого детства; Лу не умела быстро бегать и кататься на самокате с горки и когда им хотелось залезть на дерево, то Доминику сначала приходилось её подсаживать, а уж потом карабкаться на ветки самому. Лу, конечно, здорово читала вслух и умела собирать во флягу утреннюю росу, но разве это повод называть обычную девчонку феей? «К чему спорить?» – решил про себя Доминик, тем более что глинтвейн пах так вкусно и к нему полагались самые настоящие трюфели, посыпанные какао и вафельной крошкой. А на ужин гостей ждали гренки с маслом и яблочным повидлом с дикой мятой, мягкий сливочный сыр, душистый настой вербены и разговоры. Фея подбросила дров в камин, зажгла свечи на каминной полке, и они разговаривали, разговаривали и разговаривали ещё, пока у Лу не начали слипаться глаза, а Доминик не запутался в словах. Лу проснулась от того, что кто-то тряс её за плечо.

«Уже вставать?» – сонно подумала она. В комнате было темно и пахло глубокой ночью и никак не рассветом.

– Просыпайся, – прошептала ей тётушка Лу, ещё раз встряхнув за плечо. – Я кое-что тебе покажу. «Может быть, это сон, а может быть, и нет», – подумала Лу, ей было лень разбираться. Она безропотно натянула тёплые чулки и юбку, два свитера, пальто и шапку с помпоном и последовала за феей на улицу. Если вы когда-нибудь гуляли по улице декабрьской ночью, перед самым началом рождественских праздников, то знаете, что такими ночами гораздо теплее, чем днём. Кажется, что тепло исходит от звёзд, и снега, и даже от фонарей, заговорщически подмигивающих ночным прохожим. Если уж вы оказались на улице декабрьской ночью, на то обязательно есть причина, и фонари примут вас за своих. Фея повела Лу совсем недалеко – к соседнему дому – обычному красному четырехэтажному дому, в подвале которого шуршали мыши, а в окнах дрожал свет ночников. Она тихонько дотронулась палочкой до окна первого этажа, окно распахнулось и... Лу даже вскрикнула от неожиданности. В комнате спал маленький мальчик не старше пяти, в синей пижаме, а вокруг его кровати бушевал океан – настоящий океан с белыми гребнями волн и солёным ветром, на его волнах качался корабль, и матросы ловко перелетали с мачты на мачту, торопясь спустить паруса, и капитан кричал из рубки: «Штирборт, десять узлов, тысяча чертей!»

Не дав Лу опомниться, фея закрыла окно и потянула её к следующему. За другим окном проходил бал: прекрасные дамы в высоких шляпах с вуалями кружились в объятиях рыцарей, томно вздыхали и украдкой дарили им поцелуи в щёку, а посреди бального зала сладко посапывала в своей кроватке белокурая девочка с длинными ресницами.

Так они дошли до самого конца улицы – за некоторыми окнами Лу видела любовь, за другими охоту, за одним были скачки в бескрайних пампасах, а за соседним была тишина и сверкали нестерпимой белизной Гималаи, за одним из окон шествовали люди с тимпанами, и лица их были закрыты белой тканью, за другим жили коричневые лохматые монстры, за одним кто-то бесконечно падал с бесконечно высокого небоскрёба, а за некоторыми не было ничего – там спали без снов. Когда они дошли до конца улицы, свет фонарей уже начал бледнеть. Без единого слова фея достала из рукава волшебную палочку

и вложила её в руку юной Лу. Палочка была тёплой и гладкой на ощупь – её первая волшебная палочка. Они возвращались той же дорогой. Теперь уже Лу подсмотренным жестом открывала чужие окна и что-то шептала в их глубину. За некоторыми окнами прекращались войны, за другими принц наконец целовал принцессу и спускался с ней с башни, падающий человек приземлился на облако мягчайшего пуха, охотник прекратил погоню и прилёг отдохнуть на лужайке, заросшей полевыми цветами, корабли заходили в порт, где их на пристани встречали счастливые женщины с заплаканными глазами. Последним окном, в которое Лу заглянула уже на рассвете, было окно феиной гостиной, где на диване, укутанный пледом, сладко спал Доминик. Вокруг его дивана гулял ветер и трепал географические карты, летали чайки, а на краю самой высокой скалы, взявшись за руки, сидели юноша и девушка и смотрели на море. «Всё сбудется», – прошептала Лу и поцеловала Доминика в лоб.

Сказка о фее, которая потеряла вдохновение

Если бы вам посчастливилось лично познакомиться с феей Пенни, вы бы непременно решили, что никогда ещё не встречали такой прелестной английской феи. Ведь фея Пенни была белокожим созданием с розовыми щеками и голубыми глазами, не выходила из дома без зонтика, любила пироги, всегда вовремя возвращалась к вечернему чаю, да и звали её как мелкую английскую монету. Право, английскую фею лучше, чем Пенни, ещё поискать, подумали бы вы и оказались бы неправы. Потому что в роду у феи Пенни не водилось ни единого англичанина, а светлые волосы и вздёрнутый нос она унаследовала от двоюродной тётушки по материнской линии.

В ту пору, когда Пенни была ещё маленькой девочкой, тётушка дни напролёт сидела за крошечным окошком маленького почтового бюро и ставила синие штампы на серые конверты, а, выйдя на пенсию, поклялась, что найдёт место, где никто в глаза не видел серых конвертов. Так она и поступила. Тётушка отыскала на карте сицилийскую деревеньку, в которой не было почтового отделения, собрала дорожные сумки и укатила выращивать лимоны. Словно в награду за долгие годы в скучном бюро, лимоны в тётушкином саду выросли преотличнейшие, деревья приносили по три урожая в год, и каждый лимон был размером с небольшой грейпфрут. А ликёр из них получался такой, что даже урождённые сицилийцы приходили к тётушке в гости и со слезами умоляли её поделиться рецептом.

Пользуясь старыми связями, тётушка обильно снабжала лимонами племянницу Пенни. Дело дошло до того, что полки буфета, который фея собственноручно покрасила в голубой цвет, были заставлены банками с лимонным повидлом, на подоконнике частенько остывал лимонный пирог, а жестянки из-под конфет были забиты лимонными безе и рассыпчатым печеньем. Впрочем, юная фея по своим чудачествам не уступала своей престарелой родственнице: она любила пересаживать цветы из горшков на газоны городского парка, ездить на велосипеде в юбке (если вы пробовали, то знаете, как неудобно крутить педали, путаясь в длинном подоле!), выгуливать чужих собак и печь маленькие кексы к чаю, обязательно квадратной формы. Но больше всего фея любила гулять в листопад. На случай листопада в её шкафу хранилось длинное рыжее пальто с капюшоном и большими накладными карманами и замечательные старые ботинки с круглыми носами, которые так заразительно шуршали, зарываясь в ковёр мягких, влажно пахнущих листьев. Фея осторожно выбирала из них самые резные, красные, жёлтые и оранжевые, устилала ими дно карманов, а сверху добавляла спелые каштаны, веточки вереска, сухие ягоды шиповника и морщинистые райские яблочки.

В день осеннего листопада, а такие дни, поверьте мне, очень редки и наступают не каждую осень, фея Пенни вскакивала ни свет ни заря, не успев даже потянуться, и сразу же бежала на кухню готовить себе плотный завтрак: омлет из трёх яиц и целую гору блинчиков с лимонным джемом, ведь ей предстоял долгий день.

Когда солнечные лучи добирались до подоконников верхних этажей, будильники мелодично перекликались между собой, а глазам сонных горожан едва-едва открывался красно-жёлтый хоровод листьев за окном, фея Пенни уже ловко перелезала через забор городского парка, ведь в день настоящего листопада нельзя терять ни секунды, а старый парковый сторож просыпался ох как поздно. Доводилось ли вам собирать листья в день сильного листопада? На первый взгляд это кажется детской игрой: сначала нужно привыкнуть к красно-жёлтому вихрю, научиться различать в нём самые красивые листья, долго висевшие лицом к солнцу, умытые грибным дождём. Потом, дождавшись благоприятного порыва ветра, подхватывать листья на лету, ни в коем случае не позволяя им касаться земли и, аккуратно разглаживая, прятать в карман.

Со стороны сбор осенних листьев напоминает танец, для которого ветер неслышно играет музыку. Иногда он выдувает медленный вальс, листья кружатся с чувством и достоинством, и с ними на цыпочках кружится хрупкая фея в жёлтом пальто. И вдруг без предупреждения ветер переходит на резвую джигу – листья мечутся вправо и влево, а фея выкидывает коленца, стараясь одновременно дотянуться до красных кленовых и жёлтых осиновых и удержать шляпку.

Вернувшись домой, фея Пенни не теряла ни секунды (кроме двадцати минут, отведённых на полуденный чай с лимонными вафлями). Райские яблоки и шиповник отправлялись напрямиком в большой, угрожающе

блестящий медный чан – ожидать превращения в осенний яблочный пунш. Листья и жёлуди фея любовно нанизывала на суровую нитку и развешивала сушиться на веранде, а веточки вереска зашивала в подушки и подола платья, чтобы зима сладко пахла. Вы, конечно, спросите: какая польза от засушенных листьев и желудей, ещё и насаженных на нитку? Да самая очевидная. Из нежных листьев рябины и мелких желудей получаются прекрасные ожерелья, а из ажурных листьев клёна и каштана – великолепные ёлочные гирлянды, которые даже светятся в темноте, как настоящие. Нужно только терпеливо высушить осенние листья и плоды, подставляя их косым солнечным лучам от полдника до заката, а затем чуть присыпать загадочным порошком, который можно найти в кармане у любой феи. Порошок этот так же важен и незаменим, как, скажем, связка ключей, или карманное зеркальце, или как записная книжка с обгрызленным карандашиком, помогающая не забыть всё хорошее, случившееся с феей за день. Некоторые феи хранят порошок в жестяных расписных коробочках из-под монпансье, другие – в коллекционных спичечных коробках, а самые изобретательные – в старых пудреницах. (Теперь я вспоминаю, что у моей бабушки была точно такая же старая пудреница с потрескавшимся зеркальцем, источавшая запах мятной карамели и свечного воска.)

Между собой феи называют порошок вдохновением и, бывает, целыми днями гуляют по городу в его поисках. Известно, что вдохновение частенько кружится в старых кварталах в оранжевом свете уличных фонарей, в парках вокруг голубятен и в магазинах музыкальных инструментов. В розовое летнее утро оно шлейфом следует за первым городским трамваем, когда тот, покряхтывая, преодолевает старый мост. Чуть засохшее, но вполне ещё годное вдохновение можно найти в старых книгах поварских рецептов и в альбомах чёрно-белых фотографий, а бывают дома, в которых, стоит ступить на порог, из всех щелей вырываются клубы вдохновения и немилосердно щекочут нос. На вид вдохновение похоже на обычную пыль, кружащуюся в лучах света, но опытная фея ни за что не обознается. Попав в эпицентр вдохновенной бури, фея быстро слюнит кончик указательного пальца и ждёт, пока на него не налипнет достаточно драгоценных пылинок. Все эти пылинки, стараясь не потерять ни единой, она аккуратно раскладывает по коробочкам и бонбоньеркам, а бывает, и снабжает коробочку этикеткой, например: «В. персиковое, собрано на дачной веранде 14.07.NNNN». Храниться вдохновение может очень долго, если не оставлять его на сквозняках, и любая фея подтвердит вам, что без него не получится ни одно настоящее чудо.

Нет-нет, чтобы волшебствовать, фее достаточно дотянуться до волшебной палочки, а то и просто взмахнуть в воздухе шпилькой для волос, бывает, что и нечаянно; но чудо, настоящее чудо, получается только тогда, когда фея, наморщив лоб, делает палочкой незаметный жест слева направо, потом вверх и чуть по кругу, и добавляет крупинку вдохновения. Всего одна крупинка может превратить обычный ломоть хлеба с домашним вареньем в изысканное лакомство, попробовав которое, лучший кондитер города укусит себя за палец от зависти, серое скучное платье – в бальный наряд, перед которым не устоит ни один принц, а обычную бродячую кошку в... Хотя о чём это я, разве вам доводилось встречать обычных бродячих кошек? Все они или заколдованные принцессы, или феи, предпочитающие гулять инкогнито.

Фея Пенни любила собирать вдохновение с перил разводного моста, где влюблённые клялись друг другу в вечной верности, и с удобных деревянных скамеек в городском парке, на которых целый день сидели пожилые дамы с вязанием, не спускавшие глаз с внуков. Если опереться вечером на спинку одной из скамеек, на ладони останется тонкий мерцающий след, чуть пахнущий жасмином. Пенни с удовольствием рассматривала его, а потом осторожно, почти не дыша, смахивала вдохновение в старую пудреницу, которую всегда носила на дне правого кармана своего жёлтого пальто. И вот этой-то старой пудреницы, похожей по форме на раковину, со стёршейся позолотой на крышке и тусклым зеркальцем, однажды не оказалось в кармане. Легко сказать «однажды» – её не оказалось в самый ответственный день, в день после большого осеннего листопада, когда город по щиколотку утопал в рыжем ковре, в воздухе летали свежесотканые паутинки, а фею Пенни ждал целый чан райских яблок и гирлянды кленовых листьев, срочно требовавшие внимания. Фея обнаружила пропажу на самом оживлённом перекрёстке города, где с утра до позднего вечера проносились машины, бегали пешеходы, продавцы газет продавали газеты, а продавцы цветов – цветы. Вот на этом самом перекрёстке фея собралась было сделать жест волшебной палочкой, уронить пылинку вдохновения и... Впрочем это уже неважно, потому что вдохновения в правом кармане не оказалось. Фея пошарила в левом, потом снова в правом, в волнении потеревшая шляпку, оглянулась по сторонам – безрезультатно. Может быть, она потеряла вдохновение в погоне за листьями в городском парке, а может, забыла на сиденье трамвая. Как знать, не

сломала ли она пудреницу, неаккуратно скинув пальто в прихожей, или случайно выронила, перебегая дорогу, и безделушку раздавила машина. При мысли о собранном вдохновении, гибнущем под колёсами тяжёлой машины, из глаз феи Пенни брызнули слёзы.

Только не подумайте, что прохожие не заметили прелестную фею, плачущую посреди перекрёстка. Те, кто спешил, покачали головой на ходу, изображая сочувствие, те, кто спешил не очень, участливо поинтересовались, что у феи стряслось, и даже предложили ей бумажный носовой платок, такой мягкий, что нос утонул в нём как в облаке. Совсем никуда не спешил только продавец газет, он целыми днями сидел на складном стульчике возле своего зелёного киоска, украшенного самыми свежими новостями и прошлогодней театральной афишей, курил крепко пахнущие сигары и наблюдал за перекрёстком. Продавец газет взял рыдающую фею под руку (какое счастье, что её карманы не были доверху набиты осенними листьями и каштанами, как накануне!), усадил на свой стульчик, а сам нырнул в киоск в поисках единственного, по его мнению, средства, способного осушить женские слёзы, – чашки густого горячего шоколада.

О да, продавец газет был философом и хорошо знал людей. За кулисами его зелёного киоска, за стопками спортивных газет и журналов с выкройками коктейльных платьев хранились несметные сокровища: жестянки с превосходным зелёным чаем, прибывшим прямым из Японии, картонки с итальянским горячим шоколадом, бумажные пакеты с собственноручно собранными вербеной и ромашкой, две фаянсовых чашки, хотя он всегда пил чай в одиночестве, маленький кипятильник и даже серебряное чайное ситечко. Отхлебнув большой глоток горячего шоколада из щербатой фаянсовой чашки, фея улыбнулась сквозь слёзы своему благодетелю.

– Вы что-то потеряли? – спросил тот.

Фея кивнула и шмыгнула носом.

– Пудреницу, – прошептала она, – маленькую позолоченную пудреницу.

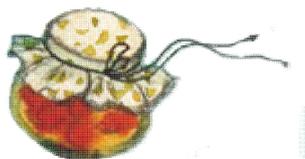
Продавец газет удивлённо приподнял брови. На его перекрёстке женщины всё время что-то теряли. Чаще всего они теряли перчатки, но бывало, что и сумочки, временами золотые серёжки, теряли голову, а иногда – к счастью, совсем редко – теряли любовь. И почти все при этом безутешно плакали. Эта же плакала из-за какой-то пудреницы. Продавец газет незаметно пожал плечами.

– Послушайте, – осторожно сказал он своей гостье и как бы невзначай взглянул в сторону магазина, из которого щебеча вылетали стайки довольных покупательниц, – вы же можете взамен купить другую. Пенни посмотрела на него укоризненно. Как объяснить тому, кто не имел дела с феями, что заменить её позолоченную пудреницу, изнутри пропахшую пылью вдохновения, так же невозможно, как и купить новую волшебную палочку! Пенни представила себе, как безрадостно будет волшебствовать и не совершить ни одного настоящего чуда, и глаза её снова заблестели от подступивших слёз. Это было слишком даже для продавца газет.

– Пойдёмте! – вскричал он, выхватив из рук феи чашку, а саму фею схватив за руку. – Я помогу вам отыскать вашу потерю.

И он немедленно сложил складной стульчик и закрыл киоск, оставив тем самым полгорода без вечерних газет. Они прошли весь маршрут от перекрёстка до дома, где жила фея Пенни, и фея не забыла

пригласить продавца газет на чашку чая в следующую субботу. Потом обратно от дома до городского сада, перевернули немало платановых листьев и, хотя ничего не нашли, успели поговорить по дороге о смысле жизни и о том, есть ли на свете любовь и почему собака лучший друг человека. Феи хорошо разбираются в подобных вещах, но слишком заняты для разговоров. У продавцов газет, наоборот, много свободного времени, но редко находится собеседник. «Надо будет обязательно дать ему лимонного джема и тётушкиного ликёра», – подумала Пенни, возвращаясь домой, и ей отчаянно захотелось достать из рукава волшебную палочку и совершить для этого трогательного одинокого человека, целый день попивающего чай на людном перекрёстке в тени свежих газет, настоящее чудо. Фея даже на секунду зажмурилась, представляя себе это самое чудо, а зажмуриваться на ходу, как известно, – очень опасное занятие. Стоило ей закрыть глаза, как носок её ботинка обо что-то зацепился, и не успела фея сказать „Ой!“, как она уже сидела на куче осенних листьев. К счастью, падать в осенние листья вовсе не больно и даже в некотором роде приятно. Фея посидела на листьях ещё чуть-чуть, для удовольствия, потом поднялась на ноги, отряхнула своё рыжее пальто, оглянулась по сторонам и увидела, что споткнулась она о маленькую позолоченную коробочку с надтреснутым зеркалом, лежавшую прямо посреди дороги.

Сказка о фланелевой фее

Уж на что нынче беспокойные дети, но взрослые гораздо беспокойнее. Вечно им не хватает времени – ни друзьям позвонить, ни хорошую книгу почитать, ни поймать языком пару снежинок по дороге домой. Да что там, спросишь вежливо у некоторых взрослых, какой сегодня день, а они в ответ: «Среда, завтра отчёт в бухгалтерию сдавать», – даже не поднимают голову от своих бумаг. И никакого понятия о том, что на улице изумительная красота, дороги по колено засыпаны снегом, похожим на звёздную муку высшей пробы, и что до Нового года остались считанные дни.

Даже ночью беспокойные взрослые не успокаиваются – зря они, что ли, изобрели электричество? Им бы уложить детей спать, зажечь свечи, разлить в хрупкие бокалы на высоких ножках красное вино и читать друг другу вслух английскую любовную поэзию, хотя бы по телефону, а они наварят кофе и работают сверхурочно. Но даже самые беспокойные взрослые рано или поздно засыпают. Одни на мягком матрасе, другие на плюшевом диване, кто-то в уютном кресле, а кто и уткнув нос в полированную поверхность письменного стола. Настольные лампы гаснут, часы тикают тихо и деликатно, чтобы не побеспокоить спящих, а в окно, став на цыпочки, заглядывает фланелевая фея.

Эта удивительная фея любит гулять звёздными ночами по карнизам спящих городских домов. Только не вздумайте просыпаться, чтобы посмотреть, какова она из себя! Фланелевую фею так легко вспугнуть. Вам придётся поверить мне на слово: волосы у феи цвета топлёного молока, лёгкие и пушистые, словно шерсть крольчонка, глаза цвета чёрного чая, разбавленного каплей молока, а кожа такая мягкая и белая, что непременно хочется дотронуться до неё пальцем. Одевается фея в широкий шуршащий плащ с миллионом складок и с кокетливым бантиком вокруг шеи, длинную юбку и вязаные шерстяные чулки в белую и красную полоску. В этих замечательных чулках фея неслышно скользит по первому снегу, и по весеннему асфальту, и по летней пыли, и по опавшим листьям, так что, сколько бы вы ни прислушивались, всё равно не услышите ничего, кроме «цок-цок» каблучков приподнявшихся прохожих.

Туфель фея не носит, ведь они давят на пальцы и натирают пятки, да и лазить в чужие окна в туфлях невежливо. А фея, конечно же, забирается в окна неслышно, как домовая мышь, мягко спрыгивает с подоконника на паркет и пробирается в спальни. В спальнях тем временем царят покой и безмятежность, и люди спят, красивые и беззащитные, обвитые паутиной тонких, почти невидимых нитей. Нити эти тянутся от одного человека к другому – от жены к мужу, от брата к сестре, от детей к родителям, и даже домашние кошки разносят на лапках мягкие нити домашней нежности. И чем сильнее люди любят друг друга, тем крепче становятся нити, тем туже они переплетаются, вплоть до того, что некоторые дома становятся похожи на огромный пушистый клубок для вязания. Бывает, спят двое, обнявшись, щека к щеке, и нити связывают их так плотно, будто эти двое надели один огромный уютный свитер и невзначай в нём заснули. А дети их и вовсе похожи на маленьких гусениц, мирно сопящих в коконах родительских чувств.

Фланелевая фея осторожно подходит к кровати, любуется на спящих и начинает наматывать на палец связывающую их невидимую нить. Аккуратно, чтобы не запутать, наматывает немного и скользит в следующую спальню. Восвояси фея возвращается к утру, неся мотки пушистой, почти невидимой пряжи, такой лёгкой, что она даже не оттягивает карманы. Оказавшись дома, фея сладко зевает, готовит кофе с жжёным сахаром по бабушкиному рецепту и усаживается за ткацкий станок. Да-да, фланелевая фея чрезвычайно старомодна, а дом её полон таких удивительных вещей, что впору открывать в нём антикварную лавку.

Настоящий ткацкий станок, похожий на добродушного деревянного динозавра, занимает всю середину комнаты, так что фее приходится аккуратно огибать его, стараясь не задеть резные канделябры, расставленные вдоль стен. У трёхстворчатого окна, которое ещё феин дедушка, большой оригинал, застеклил разноцветными витражами, стоит кресло-качалка, такое старое, что кожа на его спинке и сиденье отполирована до блеска и кое-где потрескалась, и фея стыдливо прикрывает его махровым пледом. Освещать своё жилище фея предпочитает керосиновыми лампами и ароматными восковыми свечами, а уж пальцы, напёрстки, великолепные английские булавки, хищно блестящие иголки и мотки пряжи разбросаны по всему дому. Венчает всё это великолепие портрет феиной бабушки в тяжёлой деревянной раме, украшенной такой мудрёной резьбой, что фея давно уже оставила попытки вытереть пыль из её многочисленных цветов и загогулин. Кстати, назвали нашу фею в честь бабушки – Ариадной, хотя сама себя она зовёт просто Аей. К тому времени, когда булочник на соседней улице достаёт из печи первую утреннюю порцию божественно пахнущих булочек с изюмом, в руках у феи оказывается длинное мягкое полотно, такое тонкое, что разглядеть его можно, только развесив в июльский полдень на ярком солнечном свете. Фея и тут не теряет времени: одной рукой она берётся за острые ножницы, а другой за длинную тонкую иглу и принимается кроить, резать, намётывать и подшивать, да так ловко, что если бы вы, к примеру, спрятались в укромном уголке феиной комнаты и наблюдали за ней украдкой, у вас наверняка закружилась бы голова.

Пока соседи чистят зубы и ставят на плиту чайник, пока молоко убегает, а дети капризничают, не желая есть кашу и одеваться в школу, пока почтальоны разносят утренние газеты и письма, пока торговки на рынке перемывают косточки товаркам, пока ваша покорная слуга чешет затылок, придумывая очередную сказку, в доме у феи Аи не смолкает лязг ножниц, шипение утюга и стрёкот швейной машинки. Пока к третьему часу пополудни на комодах, подоконниках и журнальном столике феиной комнаты не рассаживается десяток мягких фланелевых ангелов.

Эти ангелы вовсе не похожи на своих небесных собратьев, сотканных, как известно, из протуберанцев далеких звёзд созвездия Северной Короны. У фланелевых ангелов широкие добрые лица и светлый пушок вокруг головы, заменяющий им нимб, большие уютные крылья, круглые щёчки и животы; сами они такие мягкие, лёгкие и душистые, что хочется гладить их без остановки, как трёхмесячных ангорских котят. Летать фланелевые ангелы не умеют вовсе, зато презабавно ходят, шаркая тёплыми шерстяными тапочками. Фея целует каждого ангела в лоб и, забравшись с ногами в старое кресло-качалку, засыпает до вечера. А тем временем свежесшитые ангелы перешёптываются, шуршат крыльями и наполняют комнату тёплым ароматом тающего ванильного мороженого. Стоит зажечься фонарям, как фея собирает своих ангелов в дорогу – прячет каждого в отдельную складку своего широкого плаща и отправляется в путь. Когда заснут беспокойные дети, а за ними и беспокойные взрослые, когда погаснут ночники и настольные лампы, фланелевая фея заглянет в окно, осторожно перелезет через подоконник,

прокрадётся в спальню и аккуратно посадит на каждую подушку фланелевого ангела. Знали бы вы, как прекрасно спать с фланелевым ангелом на подушке! Ангелы гладят спящих по лицу, шепчут детям на ухо нежные колыбельные, а взрослых укрывают своими большими уютными крыльями, чтобы сон был крепок. Утром люди протирают глаза, услышав будильник, и удивляются тому, что воздух словно бы пахнет ванилью и настроение как в воскресенье.

Как-то раз фея на цыпочках пробралась в детскую. В обычную детскую с чуть потёртыми салатовыми обоями на стенах, тёплым ковром, кукольной коляской и деревянной лошадкой в углу. «Ах!» – пропела про себя фея и повертелась на кончиках пальцев. Она обожала детские, тихие детские с большими окнами и широкими подоконниками, светлые даже ночью от уличных фонарей.

– А сто вы здесь делаете?» – пропищал голосок из угла комнаты. Белокурая девочка лет пяти сидела в кровати и тёрла кулачками васильково-синие глаза.

– Я пришла пожелать тебе спокойной ночи и кое-что подарить, – улыбнулась ей в ответ фея. – А почему ты не спишь?

– Я зду снега, – просияла в ответ девочка. – Мама пообещала, сто пойдёт снег. Под Рождество! Вот здорово, правда?! А сто у вас в руках?»

Вместо ответа фея протянула ей фланелевого ангела, мягкого и невесомого, словно сшитого из лунного света. Девочка улыбнулась ещё шире, обхватила ангела обеими руками и прижала его к щеке.

– Ложась спать, клади его на подушку, – наставляла её фея, – тогда все твои сны будут хорошими, а утром будет светить солнце.

Она поцеловала девочку в лоб, подоткнула ей одеяло, потом ловко выпрыгнула из окна и исчезла из виду.

Ночью выпал снег. Он падал так тихо, что не побеспокоил даже синицу, заснувшую на голой ветке клёна, лёгкой пудрой кружился в воздухе, и к утру город стал похож на кухню нерадивого пекаря, рассыпавшего

целый мешок муки. Но наутро было воскресенье, и некому было выйти на улицу, восхититься снежным городом и перекинуться только что слепленными снежками. В комнате у фланелевой феи снова стучал ткацкий станок и стрекотала швейная машинка. Маленькая белокурая девочка проснулась раньше всех: раньше родителей, сопевших под тёплым пуховым одеялом, раньше трубочиста, обнимавшего во сне свой чёрный цилиндр, раньше священника, повторяющего сквозь сон воскресную проповедь. Она тихонько выскользнула из детской, в коридоре натянула новую серую шубку прямо поверх ночной рубашки, левой рукой она прижала к себе феин подарок, а правой медленно, чтобы не раздалось предательского скрипа, отворила входную дверь. Она спустилась на два этажа, смешно шлёпая по ступенькам розовыми тапочками, и вышла во двор. Двор был пустым и белым – ни единого следа на его безупречной поверхности. В глубине двора, засыпанный снегом до самого карниза, виднелся флигель консьержки. Он был бы похож на сказочный домик, если бы в его окнах горел жёлтый свет, а из трубы вился хотя бы тоненький дымок. Туда-то девочка и направилась. В домике было сыро и пахло вчерашним супом. Деревянный пол и комоды были застелены одинаковыми вязаными дорожками, со стен улыбались пожелтевшие фотографии в дешёвых рамках, старенький телевизор хрипел – его забыли выключить, а дровяная печка погасла ещё до полуночи. Консьержка была очень пожилой и частенько засыпала в кресле перед телевизором, закутавшись в шершавый плед верблюжьего волоса. Девочка на цыпочках подошла к креслу и положила на плед фланелевого ангела, такого лёгкого, что консьержка даже не почувствовала его веса. – Сني ей хоросые сны, – прошептала девочка на ухо ангелу, улыбнулась своей широкой улыбкой, в которой не хватало передних зубов, и помахала ему на прощанье рукой.

Сказка о фее, которая гуляла под дождём

Сахарница, фарфоровая бабушкина сахарница с синими цветами, разлетелась мелкими осколками по кухонному полу, жалобно звякнув на прощание.

– Так я и знала! – с досадой пробормотала фея. – Не зря мне ночью снились змеи.

Откровенно говоря, змеи были совершенно ни при чём – феина кухня с самого утра сотрясалась от громких чиханий, чашки, выстроенные ровными рядами, дрожали на краю буфета, мельхиоровые ложки тряслись в посудном коробе, даже стёкла в оконной раме угрожающе звенели. «А-а-а-пчи!» – снова раздалось на кухне, и малиновки, присевшие было на карниз в ожидании свежих бисквитных крошек, испуганно взлетели. Три раза, говаривала бабушка, если чихнула с утра три раза, будь уверена, что подхватила простуду.

Фея успела чихнуть не три, не четыре, а целых шестнадцать раз. Первый раз она чихнула во сне, то есть самой фее снилось, что она чихает, но чихнула она как раз по-настоящему, да так громко, что сама себя разбудила. Она чихала, умываясь и натягивая чулки. Особенно громко и яростно фея чихнула, высыпая из ручной кофемолки только что смолотый кофе. Кофе, конечно, разлетелся по всей кухне, и фее, не успевшей даже позавтракать, пришлось плестись за веником.

– Ну что ж, – сказала она сама себе, сердито шмыгнув носом, – кофе на сегодня отменяется.

Знали бы вы, как не любят феи отказываться от свежего утреннего кофе! Если долго лишать фею утреннего кофе, то бедняжка может даже заболеть и не каким-нибудь насморком, а самой настоящей хандрой. Но бабушка строго говорила, что тому, кто подхватил простуду, вместо кофе положен целый чан розмариновой воды и куриный бульон с морковкой на обед. И спорить тут бесполезно. А надо сказать, что фея всегда слушалась свою бабушку, даже когда той не было рядом. Она послушно достала из старинного буфета блестящий медный котелок, налила в него воды, очень стараясь не чихнуть невпопад – какой же фее захочется с утра вытирать лужи с пола, и поставила котелок на плиту. Когда дно котелка покрылось мелкими пузырьками, фея в очередной раз чихнула и добавила в воду две ложки лавандового мёда, веточку розмарина и две ветки тимьяна.

– Эх, – сказала себе фея с грустью, переливая зелёную розмариновую воду в бабушкину синюю чашку, пережившую не одну простуду. Розмариновая вода пахла всем, что фея любила больше всего на свете: летним утром на берегу озера, туманом, полевыми цветами, пикниками на клетчатой скатерти и жужжанием пчёл.

Фея даже зажмурила глаза от удовольствия, а когда снова открыла их, взору её представилась грустная картина: кухня была припорошена сахарным песком и молотым кофе, за окном шёл густой серый дождь, а сама фея отражалась в блестящей поверхности котелка, точнее, отражалась не вся фея (в обычные дни она, скажем прямо, была прехорошенькой), на поверхности котелка был в основном виден её большой, покрасневший и удвоившийся в размерах нос.

Я знаю, о чём вы сейчас подумали. Разве настоящие феи могут болеть, да ещё и обычной простудой? А если одна из них и простудится по недосмотру, то что ей стоит дотронуться до кончика носа волшебной палочкой, наколдовать (то есть наволшебствовать) чудодейственной микстуры и в ту же минуту выздороветь? Я не буду с вами спорить. Вы наверняка верите, что родители находят маленьких фей в кондитерских лавках, в коробке с розовым бэзе, и растят на цветочной пыльце и молоке бабочек. Вовсе нет! Феи рождаются, взрослеют и даже стареют как обычные девочки. Некоторые даже не подозревают, что они феи! И когда феи гуляют зимой без шапки, шлёпают по лужам без резиновых сапог или не

слушаются добрых советов, то будьте уверены, что они подхватят простуду и слягут в постель совсем как мы с вами. И болеют феи точно так же: носы их краснеют, глазки становятся почти пороссячьими, а в голове гудит так, что даже палочкой лишний раз не взмахнёшь – тут не до чудес.

Неудивительно, что вы никогда не видели ни одной больной феи – стоит одной из них простудиться, как она сразу же отменяет все визиты и прогулки и даже гостей не принимает, пока не поправится. Кому же приятно будет увидеть гнусавую фею с растрёпанными волосами и градусником, торчащим из-под мышки? На время болезни феи запираются дома и лечатся розмариновым настоем, запивая его куриным бульоном. Или наоборот: куриный бульон запивают розмариновой водой, кому как больше нравится. Некоторые даже жуют сырой корень имбиря, так они хотят скорее покончить с затворничеством.

Можно сказать, что нашей фее повезло – за окном шёл дождь. В дождь болеть не в пример удобнее, ведь, с одной стороны, на улицу выходить вовсе не хочется – бр-р-р, а с другой, меньше вероятность прихода незваных гостей, которых не успели предупредить о феином недомогании. Болеть в дождь даже немного приятно, решила для себя фея, отхлебнула большой глоток розмаринового настоя и устроилась с книгой в кресле у окна. А дождь за окном превратился в ливень, потом в бурю, ветер сбрасывал с балконов цветочные горшки, отрывал от крыш черепицу и забрасывал её в соседские сады, капли стучали по стеклу «тук-тук».

«Тук-тук», – услышала фея, когда в очередной раз потянулась за чашкой настоя. И ещё раз, настойчивей, «тук-тук!». Сомнений не было – кто-то стучал в окно. Фея распахнула занавески и увидела, что в её саду, прямо посреди клумбы нарциссов, стоит кто-то и всем своим видом просит пустить его внутрь. Кто-то выглядел трогательно и комично: на нём был добротный серый костюм, очки и шляпа, поля которой провисли под дождём.

– Войдите! – прокричала ему фея и жестами указала в сторону входной двери. Конечно, она не поленилась отложить книгу и пойти в прихожую, чтобы самолично встретить неожиданного гостя, поприветствовав его громогласным «апчх-х-хи!» Справедливости ради нужно сказать, что промокший гость выглядел ещё более жалко, чем больная фея. Фее захотелось взять его за руки и за ноги и выжать насухо, но такой вольности с незнакомцем она бы себе не позволила. Она ограничилась тем, что взяла у гостя мокрую шляпу, повесила на крючок в прихожей серый пиджак (под ним оказался такой же серый жилет и мокрая белоснежная манишка) и принесла из ванной пушистый банный халат.

– Хотите розмариновой воды? – заботливо предложила фея, устроив незнакомца в кресле напротив своего. Она рассудила, что раз уж бабушкино средство помогает от простуды, то и от промокания оно не помешает. Незнакомец благодарно кивнул, протирая подолом махрового халата запотевшие стёкла очков. И только когда на журнальном столике перед ним появилась дымящая кружка целебного настоя и блюдце с абрикосовым рахат-лукумом, он заговорил.

– Здравствуйте, фея! – сказал он. – Как вас зовут?

Запомните: если вы случайно попали к кому-то домой, то вежливо представиться первым, а уж потом спрашивать, как зовут хозяйку, но фея не любила читать гостям нотации, поэтому просто ответила:

– Чуть-Чуть.

Да, фею звали Чуть-Чуть, а почему вы удивляетесь? В русском языке это означает «немного», а во французском есть слово «шют-шют», что означает «тише-тише». Поскольку больная фея немного гнусавила, трудно было понять, какая версия о происхождении её имени ближе к истине.

– Ах, какое красивое имя! – обрадовался незнакомец и опустил в рот кусок рахат-лукума. Фее показалось, что он даже причмокнул от удовольствия.

– А вас как зовут? – в ответ спросила фея, незелегантно шмыгнув носом. Теперь вы понимаете, почему больные феи не принимают гостей? – Меня зовут Дождь, – представился незнакомец и тут уж фея оглядела его с ног до головы со всем вниманием. Будь вы феей, вы бы знали, что случайных имён не бывает, каждое имя что-то значит – и, приди в ваш дом к вечернему чаю, скажем, господин Сверчок, то будьте добры поищите ему уютное место за печкой, а не усаживайте во главе стола. У феиного гостя было длинное лицо, из тех, по которым сразу не поймёшь: то ли это старое лицо, кажущееся молодым, то ли молодое лицо, кажущееся старым, и где-то на этом лице пряталась лукавая улыбка, мокрые волосы прилипли ко лбу и взъерошились на затылке, а пальцы легонько двигались, как будто дирижировали оркестром. Фея никак не могла для себя решить, таким ли она представляла себе дождь раньше. Вот вы таким представляете себе дождь? Высоким и худым, с острыми коленками, с крючковатым носом, с зелёными бесинками в глубине серых глаз?

Заметив замешательство феи, Дождь весело кивнул на бурю за окном. И тут её осенило: капли воды падали в такт движениям его пальцев, ветер ждал его одобрительного кивка – стоило Дождю опустить руки ладонями вниз, и буря за окном затихала, но, как только он хулиганисто вскидывал голову и давал команду взмахом руки, как всё начиналось по новой. Так они и сидели: фея Чуть-Чуть восхищённо смотрела на Дождь, а Дождь восхищённо смотрел на фею.

– Прелестная, замечательная фея, – бормотал он время от времени, – так похожа на свою бабушку! «Подумать только, – сказала себе фея, – он был знаком с бабушкой!» И попыталась вспомнить, не сидела ли она на коленях у Дождя, когда была маленькой девочкой.

Наконец, фея вспомнила о хороших манерах:

– Не желаете кексов?

Урчание в её животе лучше любых часов указывало, что дело близится к обеду.

– Кексов? – оживился Дождь. – Конечно же, кексов! И непременно с маслом. У вас есть бретонское масло? А потом, милая фея, мы с вами пойдём гулять.

Бретонское масло у феи нашлось, а вот желания гулять не было никакого. К чему гулять под холодным дождём, когда дома есть камин, правда, до сих пор не растопленный, тёплые кексы и – апчхи! – не лишённая странности, но приятная компания. Однако Дождь был непреклонен. Сначала они поели кексов, разламывая их пополам и намазывая каждую половину чуть подтаявшим сливочным маслом, и запили обед свежесваренным розмариновым настоем, в который фея положила на ложку больше мёда, чем обычно, а затем фее пришлось плестись в чулан и отыскать там свой клетчатый плащ, и резиновые сапоги, и подходящий по цвету зонтик. Всё-таки она была феей и не позволила бы себе выйти на улицу в каком попало виде. Дождь галантно подал фее согнутую в локте правую руку, и они вышли из дома. Признайтесь, вы гуляли когда-нибудь под дождём? Нет-нет, я говорю не о том дне, когда вы сломя голову бежали за автобусом, прикрывая макушку полиэтиленовым пакетом и кричали: «Подождите! Подождите!» – так, что слышно было на соседней улице. Я имею в виду настоящую прогулку под дождём, когда одной рукой вы цепляетесь за локоть спутника, а другой держите зонтик, ваша шляпка съезжает то на затылок, то на ухо, а самые смелые капли ловко щёлкают вас по носу, и резиновые сапоги упоительно шлёпают – и на улице, кроме вас, ни души. В дождь можно увидеть так много всего прекрасного.

– Смотрите! – говорил фее Дождь, и Чуть-Чуть послушно поворачивала голову, стараясь не потерять шляпку. В дождь из-под кустов выползают замечательные длиннорогие улитки и рассаживаются по обочине дороги, отважные ежи отправляются добывать дождевых червей, а листья деревьев дрожат в такт, как зелёные клавиши органа. В дождь видно, как растёт трава. Дождь нежно поддерживал фею, прижимая её к своему боку, следя, чтобы она не поскользнулась, и дирижировал свободной рукой. Дождик то затихал, то припускал с новой силой, шёл то струями, то каплями, то ласкал, то лупил, то веселился, то плакал. «Запомнить бы эту мелодию, – подумала про себя фея, – и наиграть дома на бабушкином пианино». Дождь как будто угадал ее мысли: он остановился посреди улицы и с галантным поклоном протянул фее руку. Они закружились в самом сложном и элегантном танце из всех, что фее доводилось танцевать. Из-под резиновых сапог феи разлетались прозрачные брызги, а зонтик, как оказалось, вовсе не мешал кружиться и даже прибавлял танцу очарования. – «Интересно, – подумала

фея, перепрыгивая из лужи в лужу, – что бы об этом подумала бабушка?»

Сказка о фее, у которой был день рождения

В доме было двенадцать комнат, одна мансарда, служившая заодно чердаком, и уютная кухня. Лучше бы было наоборот: двенадцать мансард и, так уж и быть, единственная комната, но где взять архитектора, способного спроектировать такой дом?! Разве что построить одну очень большую комнату, к ней большую кухню, а крышу украсить двенадцатью мансардами, как свечами на деньрожденческом пироге. Такой дом можно было бы выдать за средневековый замок с башнями, но тогда пришлось бы на башнях выстраивать строгие зубцы и вместо окошек делать узкие бойницы, а кто захотел бы жить в столь мрачном месте?

Что ни говори, дом получился очень славным: его белые стены до самой крыши увил зелёный плющ, на веранде стояло ни много ни мало двенадцать соломенных кресел-качалок, крыльцо всегда было чисто выметено, а выкрашенная зеленым входная дверь открывалась прямиком на кухню. Из кухни вглубь, а точнее ввысь дома, вела деревянная винтовая лестница с удобными полированными перилами. Понимаете, на что я намекаю? Пять окон дома были обращены на восток, ещё пять – на запад, пять – на юг и всего два – на север, потому что с северной стороны не было почти ничего интересного. Вы уже

наверняка посчитали, что в доме было целых семнадцать одинаковых окон с зелеными ставнями, широкими подоконниками и яркими занавесками. Четыре окна на первом этаже и самое верхнее окошко под крышей всё равно что не считаются, они освещали кухню и мансарду. За каждым из оставшихся двенадцати окон было по комнате, в каждой комнате жило по фее.

Да-да, я не оговорила, в этом удивительном доме жило целых двенадцать фей! Самая старая из них наверняка пришлась бы бабушкой вашей бабушке, а самая младшая всё ещё ходила в школу, и волшебную палочку ей давали в руки только по воскресеньям под присмотром старших. И, хотя я не поручусь, что все эти феи находились в кровном родстве, сами они считали именно так.

Я не знаю, доводилось ли вам соседствовать с дюжиной фей или даже с одной-единственной феей, но можете мне поверить, что жить в подобной компании столь же непросто, сколь и весело. Ведь никогда не знаешь, какой предмет в доме окажется обычным, а какой волшебным, и что именно волшебному предмету придёт в голову. И что делать, если, скажем, заварочный чайник клонет вас в нос. Дать ему сдачи или бежать с жалобами к знакомой фее? А ведь помимо чайников дома фей обычно заставлены, заложены, завешаны и забросаны множеством самых разных странных и чудесных предметов. Так получается не нарочно, просто феи никогда ничего не выбрасывают. А у вас поднялась бы рука выбросить зонтик, который вызывает дождь, даже если им уже сотню лет никто не пользовался? А привораживающий веер, слегка помятый неудачно севшей на него феей, но вполне ещё годный к флирту? А пустую клетку, в которой жила крыса, переплывшая Ла-Манш? Я не скажу вам, когда это произошло и по каким обстоятельствам, потому что пообещала не раскрывать чужой секрет, но если вы вдруг без меня попадёте в английский город Бристоль и там случайно встретите большую белую крысу с кудрявыми усами и голубыми глазами, то передайте ей низкий поклон от феи, которая нежно хранит старую клетку и несколько вырезок из французских газет.

А сколько есть предметов, о волшебных свойствах которых давно забыли! Такие вещи феи по обыкновению прячут на антресолях, перекладывая папиросной бумагой, и там они тихо заряжаются волшебством и только и ждут, как бы попасться под руку ничего не подозревающему соседу. Беда людей в том, что они выбрасывают слишком много. Выбрасывают игрушки, которые любили в детстве, старые записки и ракушки, привезённые из отпуска на море. Как разлюбят, так и выбрасывают, и чем больше выбрасывают, тем меньше любят и чем меньше любят, тем меньше верят в чудеса. Может быть, потому так мало людей дружат с феями. А может быть, люди не верят в чудеса, потому что не дружат с феями, как знать.

Чем дольше живёт на свете фея, тем больше у неё накапливается волшебных, полуволшебных и просто интересных вещей. Имущество юной начинающей феи легко помещается в маленький дорожный саквояж, а вот пожилым феям приходится складывать свои сокровища стопками, которые частенько высятся до самого потолка. Мало того, что эти стопки всё время шатаются и так и норовят упасть на голову фее и её гостям, они ещё и страшно неудобны: нужная вещь обязательно оказывается или на самом верху, так высоко, что фее приходится сначала искать приставную лестницу, а уж потом нужную вещь, или в самом низу, так, что приходится разбирать стопку с потолка до пола.

Некоторые особо усердные феи, бывает, целый день проводят в складывании и разбирании своих вещей, а это такая трата времени! Старшая в доме фея, которую все называли бабушкой, нашла блестящий выход из неудобного положения: стены её комнаты снизу доверху топорщились гвоздиками и крючками, на которых были развешаны всевозможные волшебные предметы, перевязанные синими атласными ленточками. Неволшебным предметам доставалось место в ящичках, а полуволшебные занимали все горизонтальные поверхности бабушкиной комнаты: полки, стулья, крышку комода, туалетный столик и даже изголовье кровати. Только к подоконнику бабушка не подпускала никого и ничего, кроме цветов и кошек.

Двери всех комнат выходили на деревянную винтовую лестницу, по которой с утра до позднего вечера бегали, носились и прыгали через несколько ступенек феи. Это вторая причина, по которой с феями ох как не просто жить: они никогда не сидят на месте! Особенной непоседливостью и нетерпеливостью отличаются начинающие феи. Они и шагу не ступят без своих новеньких волшебных палочек и всё время порываются куда-то бежать. Бедняжкам-феям вечно кажется, что, не будь они начеку, в мире перестанут твориться чудеса, или, что ещё ужаснее, они будут происходить сами собой, без феинового непосредственного участия. Поэтому младшие феи собирались на кухне ни свет ни заря и на ходу заглатывали тосты с абрикосовым вареньем, приплясывая на месте от нетерпения. Едва покончив с завтраком, феи убегали по неотложным волшебным делам, которые сами себе и придумали. «Опять не смели со стола крошки», – ворчали им в спину феи постарше, в свою очередь занимавшие кухню. Старшие феи делали вид, что спешить им некуда, и даже рассаживались вокруг кухонного стола, разливали по чашкам свежий утренний кофе и обсуждали список чудес на день. Только не подумайте, что опытные феи ходят по городу со скучным длинным списком, как страховые агенты, и вычеркивают оттуда совершённые чудеса! Все нет – феи обожают импровизировать, а в список они вносят только

самые обязательные и даже неволшебные дела, которые, кровь из носу, нужно обязательно сделать в срок. Например, купить бабушкиным кошкам молока и рыбы, напечь миндального печенья к пикнику фей в субботу на южной лужайке городского парка и заодно прорепетировать заклинание счастья или поздравить с днём рождения любимую фею.

Уж к чему, а к дням рождения феи относятся очень серьёзно и готовятся со всей ответственностью. Именинница шьёт себе новое платье и готовит гостям подарки, а гости пекут пирог обязательно по какому-нибудь новому рецепту и до блеска натирают свои палочки специальным волшебным воском. Дело в том, что по старинной традиции все феи, приглашённые на день рождения, должны исполнить ни много ни мало одно заветное желание именинницы. Знали бы вы, какие удивительные заветные желания бывают у фей! Одной милой кокетливой феечке как-то пожелалось иметь зелёного дрессированного слона. К чему фее зелёный дрессированный слон, удивились её подружки, закатывая рукава и держа наготове палочки, и какая от него польза?

Польза оказалась самая очевидная: заметив на улице изящную феечку в шляпке с пером, ведущую за собой добродушного зелёного слона в ожерелье из фальшивого жемчуга, ни один прохожий не мог удержаться от смеха. А смех, как известно, – лучшее средство от простуды и бессонницы. Аптекарь в этом городе сначала грозился и требовал убрать слона с улицы, а потом махнул рукой, закрыл не нужную никому аптеку и принялся выращивать яблоки. В опустевшем помещении позже открыли детскую библиотеку, и все остались довольны. Всё это я рассказываю для того, чтобы вы не удивлялись и не пугались, если в один прекрасный вечер по дороге домой вам встретятся удивительные, из ряда вон выходящие явления: танцующие фонари, цветущие прямо в сугробах розы или улыбающиеся прохожие – наверняка у какой-нибудь феи в вашем городе день рождения.

В доме с двенадцатью комнатами дни рождения праздновали ни много ни мало двенадцать раз в году, ведь в нём жило двенадцать фей. На летние празднования собирали гостей на веранде – пить чай с зелёными яблоками и провожать закат, на осенние располагались прямо в саду с корзинками для пикника и устраивали праздничный листопад, на весенние запускали бумажные кораблики в городском пруду, там же, где на зимние дни рождения катались на волшебных коньках. Завершал год бабушкин день рождения, приходившийся на самую волшебную пору года – неделю между Рождеством и Новым годом.

В эту неделю магия прячется в каждом закоулке города: фасады сияют гирляндами, воздух трещит бенгальскими огнями и пахнет мандаринами, и каждая, даже самая неопытная фея, впервые взявшая в руки волшебную палочку, способна совершить самое невыполнимое чудо. Я бы посоветовала вам в эту пору держать свои заветные желания наготове – как знать, может, вы нос к носу столкнетесь с феей, выходящей из магазина ёлочных игрушек? Хотя бабушкин день рождения и старались отпраздновать попышнее, в каминном зале, которого в доме в помине не было, с сотней-другой гостей и при свете тысячи свечей, каждый год бабушка ухитрялась увильнуть от этой перспективы и устраивала маленький праздник то в собственной комнате, то на кухне, но чаще всего в мансарде. Туда чудом переносился кухонный стол, в обычные дни намертво застревавший на винтовой лестнице, одиннадцать стульев и кресло-качалка, целая армада чашек, блюдец, ложек и чайников, кувшин с грушевым сидром, круглая миска со взбитыми сливками, полдюжины свежее испечённых пирогов, целая гора подарков от именинницы и, конечно же, свечи. Пусть не тысяча, но добрая дюжина свечей освещала маленькую мансарду под красной крышей дома, увитого плющом.

Если вы когда-нибудь попадёте на день рождения какой-нибудь феи, то сами убедитесь, что, едва усевшись за стол, её непоседливые гости тут же вскакивают с мест и принимаются разворачивать свои подарки. Ведь каждой интересно узнать, какой именно волшебный или полуволшебный предмет достался ей от именинницы. Развернув подарки, феи забывают о них до поры до времени и возвращаются к столу, где их уже ждёт грушевый сидр, чай с бергамотом и большой именинный пирог. Не успеют феи поднять бокалы с грушевым сидром за здоровье именинницы и откусить от пирога, как из карманов и рукавов появляются волшебные палочки, и именинница закрывает глаза, и изо всех сил думает о своём заветном желании, ведь самые заветные желания нельзя произносить вслух.

Тот бабушкин день рождения, о котором я всё собираюсь вам рассказать, но никак не соберусь, праздновали как раз в мансарде. За окном был ранний волшебный вечер, один праздник ещё не закончился, а второй уже начинался, и везде было так хорошо, что даже дети не могли решить, что лучше: побежать с санками на горку или остаться дома и читать родителям сказки. На улицах было так тихо, что редкие прохожие останавливались, отчётливо услышав «динь-динь-динь». Им и в голову не приходило, что это звук дюжины чайных ложечек, которыми дюжина фей размешивала сахар в чае с бергамотом. За нежным «динь-динь-динь» последовало звонкое «дзинь!» двенадцати бокалов, поднятых за здоровье именинницы, и в воздухе даже за квартал от дома фей запахло праздничным пирогом со сливочной начинкой и засахаренными цветами фиалки.

Феи приготовили свои волшебные палочки и выжидательно смотрели на бабушку, в это время дети вдруг отложили в сторону сказки, и даже взрослые, которым всё невдомёк, отвлеклись от дел, чувствуя что вот-вот случится что-то необычное.

– Как же хорошо, как славно! – прошептала бабушка и закрыла глаза.

Одиннадцать волшебных палочек взметнулись вверх, уличные фонари засияли ярче, и в воздухе снова раздалось «дзинь!». Я не скажу вам, какое желание загадала бабушка – ведь феи ни за что, ни под каким предлогом не произносят свои заветные желания вслух, но точно известно, что с того самого вечера все, кто был в городе, даже иностранные путешественники, жившие в гостинице на ратушной площади и уехавшие сразу после Нового года, верили в фей.

Сказка о фее, у которой было много свободного времени

Я расскажу вам историю, которая произошла ещё до того, как мадемуазель А. узнала, что она фея. Вы удивляетесь? В мире есть множество фей, которые даже не подозревают, что они феи. Я знавала одну фею, которая любила вырезать маникюрными ножницами бабочек из бумаги. Ночью бабочки оживали и, как положено волшебным созданиям, выпархивали в окно, а фея, представляете, считала, что их сметает со стола ветром!

Между тем узнать настоящую фею не так уж и сложно, особенно если помнить, что все феи любят варить кофе, просыпаться по утрам раньше всех и дарить подарки без повода. Но есть ещё один верный признак, по которому вы без ошибки определите, что перед вами фея. Я скажу вам его по секрету, только вы никому больше не рассказывайте: все настоящие феи любят танцевать. Не так, как обычные люди, под хорошую музыку, или от радости, или когда их приглашают на вальс, а в самых неожиданных ситуациях. Феи танцуют на аллеях парка и лавируя между полками бакалейной лавки, катаясь по городу на автобусе и в очереди в столовой. И не просто приплясывают на месте, а исполняют сложнейшие па с

грацией прим итальянского балета. Сами феи частенько и не подозревают о собственных танцевальных талантах и стыдливо пытаются выдать свои па за топтание на месте от холода или от нетерпения. Но вы теперь, увидев, скажем, в метро милую девушку, танцующую с зонтом, знайте, что перед вами настоящая фея.

Мадемуазель А. не только танцевала в самых неожиданных местах, она ещё и пела. Не как оперная певица, которой платят за пение зарплату, не как мы с вами, когда думаем, что никто нас не услышит, мадемуазель А. пела как птица, не нарочно, просто песня рождалась у неё в груди, трепетала в горле и вырывалась наружу то нежным романсом, то весёлой детской считалочкой, а то и просто трелью без слов. Эта особенность доставляла мадемуазель А. немало забот, ведь одно дело петь в душе и совсем другое – разразиться серенадой, внезапно остановившись посреди улицы. Дело усложнялось тем, что мадемуазель А. полагалось быть серьёзной и даже немного грозной, потому что работала она билетёршей на маленькой железнодорожной станции очень маленького города. Для грозности мадемуазель А. надевала роговые очки, убирала волосы в тугий пучок на затылке и даже немного сутулилась, хотя феям это даётся ох как непросто.

Как скучно быть не-феей, конечно, подумали вы, представив себе мадемуазель А. в её рабочем облачении в окошке маленького билетного киоска на маленькой провинциальной станции. Но мадемуазель А. вовсе так не считала. Конечно, ей доводилось заскучать, ожидая приезда запоздавшего вечернего поезда, и грустить, когда по крыше кассы целый день шуршал и постукивал дождь. Зато из её окошка был виден замечательный каштан, свечи на котором распускались каждый год строго в день её рождения, и ещё на нагретых солнцем рельсах железной дороги собирались на полуденную сиесту все городские кошки и издали перемигивались с мадемуазель А. Не переживайте за кошек – поезда проезжали мимо этой маленькой станции очень редко, и кошки наизусть знали их расписание. А ещё мадемуазель А. всегда первой узнавала, кто приехал в город, во что он был одет и какой нёс саквояж, а ведь феи, даже те, которые пока не знают, что они феи, грешат любопытством. В долгих перерывах между прибытием поездов мадемуазель А. гуляла по перрону пританцовывая, читала автобиографии путешественников и придумывала рецепты пирожных с кремом. Вы, должно быть, уже заметили ещё одну отличительную черту фей – все они равнодушны к выпечке. Для каждого рецепта мадемуазель А. придумывала название и записывала его на обороте использованного билета на поезд, а потом аккуратно прятала в специальный кармашек сумки, чтобы не потерять.

Город, в котором жила мадемуазель А., был чуть побольше деревни, где все всё друг о друге знают, но гораздо меньше столицы, где можно пройти мимо соседа, не поздоровавшись, – в нём все знали друг друга в лицо. Про такие города путешественники обычно говорят: «Какая прелесть!» – и записывают в дневнике: «Проезжали через город Н., видели церковь и фонтан, в ресторане отличное жаркое». В таком городе обязательно есть главная улица, на одном углу улицы – почта, а на другом – бистро. Между ними в ряд выстроены булочная, в витрине которой разложены пухлые булочки, кекс, разрезанный поперёк, чтобы было видно, как много в нём изюма, и глазированные эклеры; парикмахерская с дамским и мужским салонами, будка полицейского, газетный киоск и бакалейная лавка, в которой можно купить всё, чего душа пожелает, от козьего сыра до сапожной ваксы, а на кассе бакалейщик выдаёт детям ванильные ириски в разноцветных фантиках. Эти ириски плотно прилипают к зубам и потом изо рта ещё долго, почти до вечера, пахнет ванилью. Гуляя по такому городу, ни в коем случае нельзя торопиться, ведь, торопясь, можно не заметить кого-то из знакомых. Знакомые могут подумать, что вы на них обиделись, и тоже обидеться в свою очередь! Лучше собираться на прогулку по городу заранее и основательно: повязать на шею красивый шарф и взять в руки зонтик, а в карман пальто положить пару монет, на случай, если вам захочется полакомиться свежей булочкой или выпить яблочного сока и почитать газету за столиком бистро.

Мадемуазель А. жила как раз на главной улице города, в маленьком жёлтом доме, весь первый этаж которого занимала как раз бакалейная лавка. Нужно ли говорить, что это был главный дом в городе после церкви и почты. Справа от лавки была незаметная дверь, покрашенная белой краской, вторая такая же дверь пряталась в глубине лавки за полками с вареньем и рыбными консервами, и обе эти двери вели на деревянную лестницу, а лестница вела на второй этаж, где в соседних квартирах жили мадемуазель А. и сам бакалейщик.

Обоим это соседство очень нравилось: мадемуазель А. никогда не приходилось волноваться, что у неё дома закончился сахар или спички, а бакалейщик специально просыпался пораньше и, улыбаясь в подушку, ждал, когда соседка откроет окна и огласит сонную главную улицу весёлой утренней песней. Надо заметить, что феям, знающим что они феи, гораздо легче просыпаться рано утром, чем феям, которые об этом не в курсе. Знающие феи едва успевают сварить кофе, нажарить утренних блинчиков с яблоками или хрустящих гренков и умыться, как уже выбегают из дома по неотложным волшебным делам,

натягивая на ходу пальто и проверяя, не забыли ли они волшебную палочку.

Те феи, которые не подозревают, что они феи, проснувшись раньше петухов, просто не знают, как убить время. Они пекут кексы со смородиной, варят кастрюли вишневого компота, вышивают крестиком, выращивают редкие орхидеи, вытирают пыль до проплешин на мебели и просто ходят из угла в угол, пока в один прекрасный день не найдут себе занятие по душе, и всё станет на свои места. Только не подумайте, что, выяснив, например, что она больше всего любит шить подушки с лебединым пухом или лепить из белой глины крошечных единорогов (не думайте, будто единороги бесполезны, пока не повстречали ни одного из них), фея сразу становится настоящей феей. Ей придётся ещё учиться у других фей и сдавать очень непростой экзамен на ношение волшебной палочки, но начало уже положено. С того самого дня, когда фея поймёт, что она фея, у неё не останется ни одного, ни единого свободного и скучного утра.

Пока мадемуазель А. не знала, что она фея, она частенько пробиралась ранним утром в бакалейную лавку и переставляла товары на полках по своему усмотрению. На виду полагалось быть красным яблокам, имбирным пряникам, аккуратным головкам сыра, жестяным коробкам с пахучим цветочным чаем, стеклянным банкам персикового компота с половинками персиков и чёрными стручками ванили, холщёвым мешкам с зёрнами кофе и кудрявым пучкам петрушки. На дальних полках выстраивались аккуратные башни сардин в оливковом масле, смелые пирамиды консервных банок с гусиным паштетом, бутылки молока, коробки с сахаром-рафинадом и полезные в хозяйстве мелочи вроде садовых секаторов. К некоторым товарам фея, простите, мадемуазель А., привязывала маленькие записки с добрым пожеланием или самодельные лотерейные билеты со скромными призами, например, серебряной ложечкой или ножиком для вскрытия писем.

Наведя свой порядок в лавке, мадемуазель А. возвращалась домой, варила себе вторую чашку кофе и устраивалась с ней на подоконнике, напевая опереточные арии и наблюдая, как просыпается главная улица. До приезда самого раннего утреннего поезда у неё оставалась тьма времени. Утренние поезда нравились мадемуазель А. больше всего. Вы ведь ездили в таких поездах? Они не совсем утренние, скорее ночные, из тех, которые надо долго ждать на вокзале, почти до полуночи, а потом отчаянно торопиться и толкаться на перроне, чтобы не опоздать.

Зайдя в поезд, нужно сразу же найти себе замечательную мягкую полку, обитую чуть потёртым красным плюшем, и заснуть на ней. Пассажирам ночных поездов обязательно снятся хорошие сны, и просыпаются они раньше всех – ведь за окном их ждёт совсем другой, неожиданный вид и никогда нельзя угадать заранее, каким он окажется. Иногда за окном утреннего поезда виден город, иногда – редкий лиственный лес, а если повезёт – то целое поле весёлой жёлтой люцерны. Утренний поезд останавливался на станции маленького города ровно на пять минут, машинист с достоинством затягивался трубкой и издали подмигивал мадемуазель А., а пассажиры высыпали на платформу, потягиваясь и озираясь вокруг, и, несмотря на старания мадемуазель А. напустить на себя строгий вид, добродушно с ней флиртовали.

«А не испечь ли мне пирожных с кремом?» – подумала, а может быть, и сказала вслух мадемуазель А. одним прекрасным многообещающим утром, когда до утреннего поезда оставалась тьма-тьмущая времени. Как она не подумала об этом раньше?! Фея А., отныне я буду называть её именно так, ведь мадемуазель А. и сама заметила, что превращается в фею, извлекла из сумки свой самый любимый рецепт – слоёного торта с кремом из белого шоколада и малиной, – записанный на обратной стороне билета на ночной поезд Страсбург – Марсель.

Она повязала свой воскресный передник в бело-синюю клетку, хотя было вовсе не воскресенье, спустилась в бакалейную лавку, и тут же вернулась с бумажным пакетом муки, и снова спустилась – за куском холодного сливочного масла, лучшего в округе, если верить бакалейщику, потом ещё раз – за бутылью густых сладких сливок, из которых как раз и делали самое лучшее масло в округе, а в кармане передника она спрятала две толстенные плитки настоящего белого шоколада. Не хватало только малины. Фея вздохнула, потёрла лоб и принесла из бакалейной лавки последнюю увесистую банку персикового компота с половинками персиков – не отказываться же от слоёного торта только потому, что под рукой не оказалось малины! Она принялась месить и раскатывать тесто, топить шоколад и взбивать сливки и так увлеклась, что не заметила, как свет за окном превратился из рассветного в обычный утренний, и бакалейщик открыл скрипучие деревянные ставни, которыми на ночь закрывалась лавка, собаки залаяли, голуби заворковали, а вдалеке удивлённо загудел утренний поезд, подъезжая к пустой станции.

Так получилось, что билетный киоск на железнодорожной станции вскоре закрыли, и жителям маленького городка, когда они хотели куда-то уехать, приходилось сначала добираться до соседнего города и уж там покупать билеты на поезд. Сначала это казалось неудобным, но потом все привыкли. Ведь жители маленького городка были не слишком охочи до путешествий и точно знали, что нигде им не будет лучше, чем дома. «Пора!» – говорили они сами себе, слышав вдалеке гудок утреннего поезда, одевались как на воскресную прогулку и спешили в бакалейную лавку. В бакалейной лавке при входе стояли необъятные эмалированные вёдра со свежими цветами, лежали россыпи ароматных яблок, виселись пирамиды стеклянных банок с персиковым компотом, бруски сливочного масла были завернуты в фольгу и блестели как серебряные слитки, а главная полка была занята шоколадом в ярких обёртках. К каждому товару была привязана записка с добрым пожеланием и новым рецептом, но самое главное – на входе в лавку сидела фея А. и вручала покупателям беспрюграммные лотерейные билетки, по которым невозможно было не выиграть пирожное с кремом. И никто не жаловался.

Сказка о фее, которая опоздала на праздник

Бывают дни, когда как нарочно всё получается с утра до самого вечера. Рассвет в такой день нежно-розовый, тёплый ветер игриво треплет волосы, облака почтительно мнутся в уголке неба, кроткие, как овечки, и утренний кофе получается необычайно ароматным, таким сладко-пряным на вкус, словно в нём растопили целую плитку шоколада. Почтовый ящик в такие дни полон открытками, а на углу улицы сидит на раскладном стульчике улыбчивый пожилой господин и продаёт маленькие букеты мелких садовых роз.

В такой день обязательно нужно встать пораньше, чтобы побольше успеть. Можно с самого утра понестись по разным приятным делам, можно навестить всех друзей и родственников или самому внепланово созвать гостей и пообещать им трёхэтажный торт с ромовыми коржами, ванильным кремом и макадамским орехом – в такие дни торт не может не получиться. А потом, закончив пораньше все важные и приятные дела, можно усесться в кафе с толстой книгой и мешать маленькой мельхиоровой ложечкой кофе с молочной пенкой или устроиться где-нибудь на лавочке, а то и вовсе на траве и рассматривать прохожих, вгрызаясь в большое розовое яблоко.

Такие замечательные дни ни за что нельзя тратить впустую – это всё равно, что отдать счастливую монетку за горсть обычных карамелек. Ведь случаются они нечасто: в самом конце февраля, когда воздух неожиданно пахнет морем и скорым абрикосовым цветом, и в апреле, когда можно впервые за долгие месяцы оседлать велосипед, и в августе, накануне звездопада, или в начале декабря, когда город украшают к праздникам. Фея Ди, например, носила в кармане специальный календарик, в котором красным фломастером отмечала такие редкие и замечательные дни.

Вы, конечно же, видели фею Ди, наверняка видели, если любите празднично гулять по улицам, рассматривая витрины. Потому что фея Ди тоже любит это делать, когда у неё есть время. Она стрижена под мальчишку и носит нелепые шляпы с перьями и три ряда бусин на шее, на поясе у неё всегда болтаются большие часы-луковка, оглушительно тикающие, фея Ди утверждает, что они принадлежали её дедушке – капитану английского фрегата. Теперь вы её вспомнили?

Иногда фея Ди встречает кого-то одинокого или погружённого в грустные мысли, тогда она пристраивается рядом и идёт с ним в ногу, как будто они договаривались. Пройдут так немного, и, глядишь, кто-то одинокий или разочарованный начнёт рассказывать фее о своих печалях, а она слушает, не перебивая, и кивает – перо на её шляпе колыхнется в такт, а дедовы часы-луковка громко соглашаются «тик-так». Это, конечно, когда у феи есть время.

В день-когда-всё-удастся фея Ди просыпалась с приятным щекотанием в животе. Таким, знаете ли, многообещающим щекотанием, из-за которого сразу хотелось вскочить на ноги и подбежать к окну – в такие дни за окном обязательно происходило что-нибудь интересное. Фея Ди ложилась животом на подоконник и по пояс свешивалась из окна, чтобы получше рассмотреть сонную улицу, на которой только-только намечались чудеса. «Замечательный будет день!» – говорила она своим кошкам, и те авторитетно кивали в ответ. Уж кошки-то разбираются в удаче! Кошек у феи было три: умница рыжая, хулиганка чёрная и добрая толстушка серая, – и все они, конечно же, были по-своему феями. Вы замечали, что обычные домашние кошки подчас смотрят на вас, щурясь, будто знают что-то важное? Дело в том, что все кошки без исключения состоят в тайном обществе.

Да-да, кошки, хотя они редко в этом признаются, собирают и хранят всевозможные тайны. Бьюсь об заклад, что моя кошка знает, что я хочу получить на следующий день рождения, и каким вареньем мажу гренки на завтрак, и что самый вкусный какао получается в большой бирюзовой чашке, и что в моей

любимой книжке между пятьдесят восьмой и пятьдесят девятой страницами спрятано лёгкое белое пёрышко, которое приземлилось мне прямо в руку в прошлый вторник, когда я стояла на автобусной остановке. Хотя я никому до вас об этом не рассказывала! Поэтому кошки так легко находят общий язык с феями: ведь феи ужасно любопытны, а кошки невероятно наблюдательны.

«Замур-р-рчателный будет день», – мурлыкнула вполголоса толстуха серая, краем глаза наблюдая за парой юных воробьёв, нарочито медленно прогуливавшихся по карнизу. На улице, несмотря на ранний час, уже хлопали двери и распахивались окна – в доме мясника готовились к свадьбе. Ах, дом мясника! Он занимал весь угол улицы – на первом этаже была колбасно-мясная лавка со сверкающими витринами, которые мясник самолично мыл каждое воскресенье, с аккуратной белой дверью с колокольчиком и красивой надписью: «Добро пожаловать!» На втором жил сам мясник с престарелой тётушкой, подкармливавшей феиных кошек.

Уж кто-кто, а кошки предвкушали замур-р-рчателный день – предстоящая свадьба вот уже неделю дразнила жителей феиной улицы запахами копчёностей, слоёного теста и изысканных соусов. В честь этого события мясник украсил витрину розовыми шёлковыми лентами, заставил всю улицу до самого перекрёстка столиками и стульями, похожими на те, что ставят на террасе летних кафе, и опустил в каждый соседский почтовый ящик по приглашению, собственноручно написанному тётушкой на плотной кремовой бумаге.

– Замечательный день, какой замеча-а-ательный день, – напевала себе под нос фея Ди, ловко переворачивая на сковородке тонкий ажурный блин. В такие дни, даже если не стараться особо, блины получаются идеально круглыми. Она намазала каждый блин сметаной, сложила их стопкой и с удовольствием съела на завтрак, запив чашечкой кофе. Кошкам достались остатки сметаны и по полной чашке козьего молока. Едва проглотив последний кусок и даже не вымыв посуду – мытьё посуды можно оставить на обычный, менее удачный день – фея надела зелёную шляпу с рыжим пером и убежала по важным волшебным делам, которых накопилась целая гора. Ведь бывают дела, ради которых стоит ждать именно такого особенного дня, дня-когда-всё-удаётся.

В такой день можно пойти на блошинный рынок и найти там настоящие сокровища, можно усесться под старым платаном в парке и написать целый роман, можно научиться плавать или научить кого-то плавать, если сам умеешь, можно смастерить во дворе качели или посадить сливу, можно потратить все деньги в кошельке, можно, наконец, встретить нового друга. Стоит ли осуждать фею Ди за то, что при таком количестве важных дел она совершенно забыла о приглашении на свадьбу мясника, одиноко лежавшем в её почтовом ящике. Будем к ней снисходительны, тем более, что феиные кошки уже извинились за хозяйку – они явились на свадьбу даже раньше положенного времени и отчаянно тёрлись лоснящимися спинками о ноги престарелой тётушки мясника.

Свадьба не зря пришлась на день-когда-всё-удаётся. Жених в сером фраке и жилете с золотой ниткой был неотразим, невеста была прекрасна и без конца краснела, подружки невесты смеялись и строили глазки, тётушка всласть накомандовалась армией приглашённых поваров, поваришек и официантов в строгих бабочках. А уж гости... Гостей пришло так много, что опоздавшим пришлось устроиться на ступенях церкви и смотреть на церемонию венчания через дверную щель. Зато потом они бросали в воздух рис и разноцветные конфетты и кричали «Ура!» в честь молодых, да так громко, что вспугнули голубей, и те взмыли с церковной площади в небо – к вящей радости свадебного фотографа. Несмотря на то что столики для гостей заняли всю улицу до перекрёстка, места хватило не всем. Но соседи не растерялись – они вынесли из домов обеденные столы, деревянные стулья и даже кресло, которое досталось престарелой тётушке жениха. На феиной улице стало так тесно, что танцевали гости прямо посреди перекрёстка! Зато копчений, солений, бургундского мяса, тушёного в красном вине, королевской запеканки, печёных с мёдом яблок, нормандского сыра, ягодного сиропа, шампанского и пятиэтажного торта с заварным кремом и цветами из глазури хватило на всех с избытком. Феиные кошки гордо восседали на спинке и подлокотниках тётушкиного кресла, как будто это они были главными виновницами торжества.

Когда фея вернулась домой, улица уже опустела. Мясник и его молодая жена укатили в свадебное путешествие, тётушка удалилась к себе – вязать шапочки и пинетки для будущих внуков, гости разошлись по домам, унося с собой оставшуюся после праздника снедь, воробьи клевали крошки на неубранных столах (уборку решили отложить на другой, не свадебный, день), музыканты укладывали в футляры свои инструменты, а за самым дальним столиком сидел последний гость и ковырял ложкой последний кусок свадебного торта. И, хотя кусок был очень большим и на столе перед гостем стояла не откупоренная бутылка шампанского, вид у человека был самый что ни на есть печальный и разочарованный. Фея Ди издали замечала такие вещи.

– Вкусно? – вежливо поинтересовалась Ди у незнакомца, присев за его столик. Ей было немного обидно, что она пропустила свадьбу. Незнакомец кивнул. От расстройства он даже не подумал предложить кусочек торта фее. Но фея Ди не обиделась, она сидела тихо-тихо и ждала. С незнакомцами часто бывает так – им надо привыкнуть, что кто-то их слушает.

- Вас не позвали на свадьбу? – поинтересовался незнакомец.
- Я опоздала... точнее, я пропустила, – смутилась фея. – Понимаете, бывают дни...
- Понимаю, – перебил незнакомец, – вот и я тоже... Лучше бы купил билет на поезд и уехал или просто дома заперся и никому дверь не открывал.
- Он поперхнулся куском торта, а может быть, сделал вид, что поперхнулся.
- В такой день нельзя запирается дома, – шёпотом возразила фея.
- А что можно?
- Фея задумалась.
- Можно лежать на траве и смотреть на облака. Но лучше гоняться за радугами. Или устроить конфетный дождь. Или раздавать прохожим счастливые монетки. Или завести собаку. Или просто волшебствовать.
- Как это, конфетный дождь? – сдавленно хихикнул незнакомец. Он вдруг почувствовал, что в присутствии этой странной, стриженной под мальчишку девочки в смешной шляпе у него чуть-чуть отлегло от сердца. А может быть, его успокаивало тиканье часов-луковки.
- Вот так! – воскликнула фея.
- Она забралась с ногами на стол, не на тот, где ещё стояла тарелка с тортом и бутылка шампанского, а на соседний, и жестом приказала незнакомцу сделать то же самое – он неохотно повиновался. Фея шёпотом повелела ему закрыть глаза, взяла за запястье и осторожно вложила в его руку свою волшебную палочку. Она крепко сжала его руку в своих ладонях и очертила ею полукруг по часовой стрелке, с маленькой загогулиной в конце. Незнакомец к своему удивлению услышал, как улица наполнилась шорохом, словно падали крупные тёплые капли дождя и разбивались об асфальт. Если бы жители феиной улицы не легли спать пораньше, наплясавшись на свадьбе, они тоже услышали бы этот звук. Незнакомец открыл глаза – и впервые за весь день широко, по-детски, улыбнулся: с неба, шурша прозрачными фантиками, падали разноцветные леденцы – жёлтые лимонные, алые малиновые, зелёные

яблочные, оранжевые апельсиновые, коричневые со вкусом колы.

– Это настоящее чудо? – спросил незнакомец, удивлённо разглядывая феину палочку в своей ладони.–
Настоящее, – подтвердила фея. Они даже открыли бутылку шампанского, чтобы это отметить.

Сказка о фее, которой надоело быть феей

– Надоело! – заявила фея Ру, широко зевнув и топнув ножкой, обутой в мягкий сиреневый тапочек. – Не хочу больше! Не хочу и не буду! Хватит с меня! Кончено! Баста! – добавила она, вспомнив, что её дальние родственники по папиной линии были наполовину итальянцами.

Высказавшись, фея нахмурилась так грозно, что фиалки на подоконнике испуганно свернулись в трубочки, а кофейник, стоявший на краю обеденного стола, за которым также завтракали и ужинали, мелко задрожал и упал на пол. Крышка бедняги-кофейника укатилась в левый угол кухни, носик откололся, и на полу разлилась ароматная лужа превосходного горячего кофе, медленно подползавшая к феиным тапочкам.

– Ну и не надо! – прошептала фея, и на глазах её выступили злые слёзы. Случись это в обычный день, Ру во мгновение ока склеила бы свой старый кофейник, полила бы фиалки, закусала бы неприятности горячей гренкой с цветочным мёдом или фисташковым вареньем и поспешила по своим волшебным делам. Но, к несчастью, день был необычным. Накануне фея легла спать не с той ноги, а ложиться спать не с той ноги, уж поверьте мне, в тысячу раз хуже, чем встать не с той ноги – сны вам будут сниться совершенно неправильные и несвоевременные. Может быть, дело было в снах, но на следующее утро фея Ру проснулась с твёрдым намерением перестать быть феей.

Как так, удивитесь вы. А вот так.

– Надоело! – объяснила фея собственному отражению в зеркале ванной. Отражение растерянно заморгало и не нашло, что сказать в ответ. Только не подумайте, что Ру была злокой, букой или, чего доброго, плохой феей! Она носила синее пончо и замечательный серый берет с синим цветком у левого уха, держала дома двух почтовых голубей, а на стене гостиной повесила огромный старый немецкий барометр, найденный на блошином рынке. Как только стрелка начинала двигаться к делению «дождь»,

фея хватала в охапку десяток складных зонтов и бегом отправлялась на одну из оживлённых улиц города.

На оживлённой улице всегда найдётся десяток прохожих, которых дождь застал врасплох. Эти прохожие делятся на робких и смелых: робкие, почувствовав на шее первые робкие капли, прячутся в подворотнях или за стеклянными дверями магазинов и оттуда следят, когда же на лужах появятся пузыри, возвещающие о скором окончании дождя. Смелые поднимают воротники, натягивают кепки поплотнее на уши и ускоряют шаг, как будто бегут с погодой наперегонки.

Фея Ру догоняла этих прохожих и раздавала им свои складные зонтики. На первый взгляд это были обычные зонтики: маленькие, чтобы поместились в сумочку или в ладошку, с круглым куполом из прозрачного полиэтилена, но стоило прохожим поднять голову и взглянуть на небо сквозь полиэтиленовый купол зонтика, как на нём появлялась радуга, не какая-нибудь, а полная двойная радуга, от одного конца неба в другой, та самая, глядя на которую надо загадывать желания.

Раздав все до единого зонтики, фея Ру обычно пряталась в подворотне и оттуда наблюдала улыбаясь, как прохожие замедляют шаг, указывают друг другу пальцем на небо и зовут под свои зонтики других промокших прохожих. Фея любила рассказывать, что одна пара после такой прогулки под зонтиком даже поженилась. Вы наверняка думаете, что нет ничего проще и приятнее, чем быть феей. Гулять целыми днями, помахивая волшебной палочкой, печь вкусные пироги и раздавать подарки направо и налево. Как же вы ошибаетесь! Быть феей очень непросто. Во-первых, феи рано встают. Во-вторых, им ежедневно приходится упражняться в обращении с волшебной палочкой – ведь это такой деликатный и капризный

инструмент! В-третьих, феи ежедневно наблюдают за толпами людей, проходящими мимо, и ломают голову, как бы хоть на минуту сделать их счастливыми, а это очень утомительное занятие.

Некоторые феи даже избегают садиться у окна или ходить в кафе, ведь вместо того, чтобы спокойно пить горячий шоколад с пирожным, они без конца вскакивают и выбегают на улицу волшебствовать для очередного грустного прохожего. А как страдают бедняжки феи, когда, несмотря на все их усилия, прохожие не радуются чуду, а равнодушно проходят мимо, даже не заметив его! Такое часто происходит в конце месяца, когда взрослые озабочены квартальными отчётами и зарплатой, а дети с ужасом ждут контрольных, и почти всегда – поздней осенью и в марте – в самом конце надоевшей зимы. Тогда вслед за ангиной и гриппом по городу прокатывается настоящая эпидемия апатии.

Заболевшие апатией люди всё время зевают и торопятся, причём торопятся и зевают одновременно, всё откладывают на потом, не смотрят по сторонам, забывают смеяться и даже не видят снов. Эпидемия апатии настолько серьёзна, что я бы предложила в её разгар закрывать школы на карантин и давать взрослым внеочередной выходной, закрывать их дома, кормить сырниками с изюмом и гоголем-моголем и давать в руки исключительно книги сказок. Тогда эпидемия проходила бы гораздо быстрее и меньше травмировала бы фей. Ведь феи в такие дни выбиваются из сил, стараясь наполнить город чудесами, устраивают шествия и карнавалы, выпускают на улицу солнечно-рыжих котят, развешивают на ветвях деревьев разноцветные китайские фонарики и раздают всем желающим калейдоскопы.

Фея Ру накануне как раз простояла весь вечер на выходе из метро, улыбаясь прохожим и раздавая им волшебные зонтики. И никто, ни один из протянувших руку за зонтиком, не замедлил шаг, не поднял головы и не увидел восхитительную двойную радугу из одного конца неба в другой.

– Ни один, – грустно подвела итог фея, вернувшись домой. Её мокрая чёлка прилипла ко лбу, в сапогах хлопала вода, а кончик носа побелел от холода. – Хватит! – сказала сама себе фея, энергично выжимая волосы жёстким полотенцем. Она переделалась в тёплую пижаму, насыпала зерна голубям, спрятала свою волшебную палочку подальше, в нижний ящик комода, и подумала засыпая, что неплохо было бы начать новую жизнь.

Новая жизнь началась с разбитого кофейника («ничего страшного», – сказала себе фея, почему-то

уверенная, что не-феи не пьют кофе) и с дюжины визитов от родственников, друзей и случайных знакомых. В кругу фей новости распространяются быстро – стоило Ру сказать вслух, что она перестала быть феей, как прибежали первые посетители с вопросами, что случилось. Одни пришли попросить её не делать глупостей, другие принесли домашнего печенья и сбор трав от хандры, третьи хотели узнать рецепт пирога с ревенем (они были убеждены, что не-феи забывают, как печь пироги). Посетителей оказалось так много, что к обеду Ру совершенно измучилась. Выставив последнего, она заперлась на ключ, приклеив заранее на входную дверь лаконичную записку «Отстаньте!». Это неслыханное невежество, ведь феи никогда не закрывают дверь на ключ, возымело свое действие, и от феи Ру отстали.

– Вот и отлично! – нарочито бодро сказала себе фея, как будто её не грызла совесть. Она вытерла наконец утреннюю кофейную лужу, чуть подсохшую по краям, выбросила разбитый кофейник в мусорное ведро, отчего снова почувствовала себя виноватой, и поспешно ушла гулять в парк. Когда феи перестают быть фееми, что, к счастью, случается редко, у них сразу же появляется масса свободного времени, гораздо больше, чем возможностей потратить его с пользой.

– Глупости! – сказала бы на это фея Ру, любившая возражать. – Время можно тратить просто так. Например, гулять в парке в одиночестве, засунув руки в карманы, и покупать мороженое только себе. После семи кругов по парку и четырёх порций мороженого фея решила, что прогулки по парку утомляют, и отправилась домой. Дома оказалось, что, гуляя в парке, она потеряла ключ от входной двери – ведь Ру никогда раньше не запирала дверь на ключ! Бедняжке пришлось лезть домой через окно, топчась по клумбе замечательных белых ромашек, которые только-только начали поднимать головки. Спрыгнув с подоконника, фея оглянулась. Казалось, за её короткое отсутствие дом стал пустым, скучным, неволевым. Корешки книг покрылись тонкой плёнкой пыли, из кухни ничем не пахло, и даже голуби смотрели на неё как будто с укоризной.

– Ох! – растерянно прошептала фея Ру, но быстро спохватилась и продолжила: – Как хорошо не быть феей! Можно пораньше лечь спать!
Это она и сделала.

На следующее утро почтальон принёс целую стопку писем и телеграмм от родственников феи Ру, интересовавшихся, каково ей быть не-феей. Самое трудное в жизни бывшей феи – избегать контактов с родственниками, которые без конца интересуются, как ей живётся без волшебной палочки. Впрочем, родственники новоявленных фей тоже вовсю интересуются, не сложно ли им быть феями. Родственникам не угодишь.

«Чем занимаются не-феи целыми днями?» – задумалась фея Ру, помешивая ложечкой чай с лимоном. За утро она успела переделать все неволевы дела: накрасить ногти розовым лаком, порезаться, нарезать хлеб для гренков, замазать ранку противно щиплющим йодом, выпить четыре чашки нелюбимого чёрного чая с лимоном и прочитать местную газету. Читая газету, фея пропускала целые развороты, где попадались статьи об уже произошедших или возможных чудесах, – ей осталась биржевая страница, кроссворд, объявления о купле-продаже и меню ресторанов. Расправившись с кроссвордом (в нём встретилось только одно опасное слово – «аист»), фея дала два объявления: о продаже волшебной палочки и о поиске партнёров по бриджу, и решила, что проголодалась.

Феям, которые больше не хотят быть феями, желательно избегать опасных и искушающих мест: кухню, библиотек, детских комнат, чердаков и подоконников, особенно если на них стоят горшки с цветами. В этих местах всегда найдётся что-нибудь, напоминающее о чуде. Впрочем, и в кафе, и рестораны ходить бывшим феям ох как непросто. Им нужно садиться подальше от окна, желательно в зале для курящих и недалеко от кухни, чтобы дым мешал рассматривать тех, кто сидит за соседними столиками, а грохот кастрюль заглушал чужие разговоры. Бывшим феям нельзя ходить в красивые кафе, вкусные кафе и – ни в коем случае – в кафе с террасой!

Поверьте, уже не одна бывшая фея сорвалась, услышав, как за её спиной воркочут влюблённые, или рассматривая зелёный листик мяты, трогательно посыпанный сверху сахарной пудрой, и вприпрыжку помчалась домой за волшебной палочкой. Фея Ру предусмотрительно выбрала большое и холодное кафе с чопорными официантами и вычурными обоями на стенах, куда не любили заходить влюблённые и счастливые родители с детьми, и устроилась за самым маленьким столиком возле кухни. Она перебрала в уме все скучные и неволевы блюда, которые помнила с детства, и заказала запеканку из цветной капусты и стакан минеральной воды. Как назло, ей попался очаровательный официант. Его только вчера взяли на испытательный срок, и он ещё не научился смотреть на клиентов сверху вниз и презрительно фыркать, принимая заказ. Фирменный официантский жилет был ему велик, а чёрная бабочка съехала влево и смешно топорщилась. С кухней обстояло ещё хуже: оттуда доносился не грохот кастрюль и сковородок, а звон тарелок и мелодичный смех посудомойки, флиртующей с поваром. Ру запаниковала, и было отчего! Ведь всем известно, что влюблённые повара даже самый скучный рецепт могут превратить в волшебное блюдо. Фея Ру оглянулась вокруг, щурясь от едкого сигаретного дыма, в поисках спасения.

Всё, решительно всё было против неё: за соседним столиком смеялись и пили пиво банковские служащие, черноволосая студентка у окна рисовала карандашом в учебнике истории, а по оконному стеклу сползали, чертя дорожки, капли первого в этом году тёплого апрельского дождя, на целую неделю опередившего календарь. Этот дождь начался неожиданно, обманув и местное радио, ещё с утра обещавшее солнечную погоду, и даже феин барометр. Прохожие, только-только спрятавшие в шкафы тяжёлые зимние пальто и ботинки на толстой подошве и переодевшиеся в модные плащи, цветные шейные платки и туфли на каблуках, сначала растерялись и приняли подобающий погоде грустный вид, а потом начали вести себя как школьники на перемене. Не хватало только радуги!
– Я, наверное, пойду, – неуверенно прошептала фея юному официанту, поставившему перед ней бутылку минеральной воды и блюдо с запеканкой. – Подождите! – засуетился он, побежал в гардеробную и мигом вернулся, протягивая фее складной зонтик с прозрачным полиэтиленовым куполом. – Чтобы вы не промокли, – пояснил официант улыбаясь, – а ещё через его купол видно радугу.

Купить книгу "Все о феях":
«Литрес (эл. книга)» – 79 р.